

2018 / № 2

**ТЕОРИЯ
ГОСУДАРСТВА И ПРАВА**

Научный журнал основан в 2016 г.

2018 / № 2

**THEORY
OF STATE AND LAW**

The academic journal is established in 2016

Теория государства и права

ДЕНИСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

III Международная научно-теоретическая конференция «Политика, власть, право в современном мире»

III International Scientific Conference "Politics, power, law in the modern world "

**12-13 октября 2018 года, г. Москва,
Ленинградский проспект, дом 17**

Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права, Юридический институт (Санкт-Петербург), кафедра теории и истории государства и права Юридического факультета Института управления, бизнеса и права АНОВО «Международный университет в Москве», редколлегия журналов «Теория государства и права», «Юридическая мысль», «Правовое государство: теория и практика», «Правовая политика и правовая жизнь», «Вестник Костромского государственного университета», «Вектор науки Тольяттинского государственного университета», «Юридическая наука» 12-13 октября 2018 года проводят III Международную научно-теоретическую конференцию **«Политика, власть, право в современном мире»** посвященную заслуженному деятелю науки и техники РСФСР, доктору юридических наук, профессору **ДЕНИСОВУ АНДРЕЮ ИВАНОВИЧУ**.

К выступлению с докладами приглашаются доктора и кандидаты наук, аспиранты (адъюнкты) и соискатели, практикующие юристы.

Регистрация: 9.30-10.30, начало работы конференции: 10.30, перерыв: 13.00 – 14.00, окончание работы конференции: 16.00.

Рабочие языки конференции – русский и английский.

Проезд и проживание иностранными и иногородними участниками оплачиваются и организуются самостоятельно.

Просим Вас подтвердить свое участие в конференции, пройдя электронную регистрацию до **01 октября 2018 года** на сайте: www.matgir.ru (Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права).

Тему выступления и тезисы доклада надо направить до **01 октября 2018 г.** В электронном виде по адресу: SVKomarov2008@yandex.ru (в печатном виде по адресу: 119415, г. Москва, ул. Удальцова, дом 19, корпус 1, оф. 12).

Российский индекс научного цитирования

Информация о материалах, опубликованных в рамках конференции, будет размещена в системе E-library (РИНЦ). Ссылки на сборник в системе РИНЦ.

Рассылка журнала и Сертификата участника конференции

Рассылка журнала авторам, заказавшим печатный вариант, вместе с сертификатом, будет производиться централизованно, посредством почты России, простой бандеролью после 10 декабря 2018 года.

Оформление материалов

1. Рукопись статьи должна быть отпечатана через 1.5 компьютерных интервала 14 шрифтом, страницы пронумерованы. Сноски оформляются в виде затекстовых ссылок в соответствии с библиографическими требованиями, размещаются после текста статьи под заголовком «Список литературы». Источники в списке располагаются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Справки по оформлению списка литературы». При ссылке на конкретный фрагмент текста источника в отсылке указывается порядковый номер и страницы. Например:

– в тексте [8, с. 15];

– в затекстовой ссылке: *Комаров С.А.* Общая теория государства и права: учебник. 9-е изд. – М.: Изд-во Юрайт, 2018. – 506 с.

2. Объем статьи не должен превышать 10 машинописных страниц.

3. Статья(и) аспиранта(ов) должны быть согласованы с их научным руководителем (руководителями).

4. Статьи, направленные авторам на доработку, подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок с производственными изменениями и исправлениями в тексте.

5. Статьи на русском (английском) языке можно направить также на электронный адрес редакции журнала «Теория государства и права» matgip2017@yandex.ru

6. Фотография автора (5 x 6 см.) – по желанию.

7. В случае несоблюдения настоящих требований по оформлению публикации редакция оставляет за собой право ее не рассматривать.

REQUIREMENTS

for Manuscripts, submitted for publication

1. The text of article should be printed in 1.5 computer range 14 print. Pages must be numbered. Footnote out in the form of references in the endnotes according to bibliographic requirements are placed after the text of the article under the heading «References». Sources in the list are arranged in accordance with GOST R 7.0.5-2008 «Help on registration list of the literature». When referring to a specific piece of text is-sending source in the serial number and pages. For example:

– In the text [8, p. 15].

– In transtextual link: Komarov S.A. The general theory of state and law: the textbook. 9-th ed. – М.: Publishing House "Yurait", 2018. – 506 pp.

2. The paper should not exceed 10 printed pages.

3. Articles, aimed authors for revision shall be returned to the editor in the recommendatory term production changes and corrections in the text (**in the form of imprint**) and an **electronic copy**.

5. Article sent by E-mail: matgip2017@yandex.ru

6. Photo of author 5 x 6

7. In the case of non-compliance with these requirements by designing the publication editors reserve the right not to consider it.

Стандарты оформления материалов

1. Материал должен быть подготовлен и отправлен на модерацию в формате .doc либо .docx;

2. Языки материала – **русский** либо **английский**;

Теория государства и права

---

3. Размер страницы – А4, ориентация – «Книжная»;
4. Поля страницы: Верхнее – 20 мм, Нижнее – 20 мм, Правое – 20 мм, Левое – 30 мм;
5. Отступ первой строки абзаца слева (красная строка) – 1,25 см;
6. Первый абзац – ФИО авторов (выравнивание по правому краю);
7. Второй абзац – Наименование организации, страна, город, электронный адрес (E-mail) (выравнивание – по правому краю);
8. Третий абзац – Полное название темы статьи (выравнивание по центру, начертание полужирное) на русском и английском языках;
9. Далее аннотация и ключевые слова на русском языке и английском языках;
10. Затем текст статьи (междустрочный интервал – 1,5 строки, выравнивание – по ширине, без переносов);
11. Во всем тексте статьи шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 14 кегль;
12. Библиографический список используемой литературы: каждый источник должен быть написан с новой строки. Необходимо указать полное наименование источника и авторов. Как только статья будет проверена рецензентами и рекомендована к публикации, автор получит сообщение о принятии материала и стоимости организационного взноса с указанием на порядок и реквизиты оплаты.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

1. **Комаров Сергей Александрович** – председатель оргкомитета конференции, президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, научный руководитель Юридического института (Санкт-Петербург), заведующий кафедрой теории и истории государства и права Международного университета в Москве, помощник депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия).

2. **Кари Сюнберг** – сопредседатель оргкомитета конференции, помощник члена парламента Финляндии, Президент географического общества Финляндии, Ph.D.Geography, Dr.h.c.of Law (г. Хельсинки, Финляндия).

3. **Малько Александр Васильевич** – директор Саратовского филиала Института государства и права РАН, гл. редактор журнала «Правовая политика и правовая жизнь», заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов, Россия).

4. **Хабибулин Алик Галимзянович** – сопредседатель оргкомитета конференции, заведующий кафедрой финансовых и экономических исследований ВШГА (факультет) МГУ им. М.В. Ломоносова, профессор кафедры теории государства и права и политологии Юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, гл. редактор журнала «Миграционное право», заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия).

5. **Ревна Мария Борисовна** – ректор Юридического института (Санкт-Петербург), главный редактор журнала «Юридическая мысль», кандидат юридических наук (г. Санкт-Петербург, Россия).

6. **Груздев Владислав Владимирович** – проректор по науке Костромского государственного университета, гл. редактор журнала «Вестник Костромского госу-

дарственного университета», доктор юридических наук, профессор (г. Кострома, Россия).

7. **Комаров Владимир Сергеевич** – главный редактор журнала «Теория государства и права», кандидат юридических наук (г. Москва, Россия).

8. **Ирошников Денис Владимирович** – доцент кафедры теории и истории государства и права Юридического факультета Института управления, бизнеса и права АНОВО «Международный университет в Москве», гл. редактор журнала «Юридическая гносеология», кандидат юридических наук, доцент (г. Москва, Россия).

9. **Комарова Татьяна Львовна** – проректор по науке и инновациям Юридического института (Санкт-Петербург), ответственный секретарь Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, заместитель главного редактора журнала “Law and Power”, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва, Россия).

10. **Полищук Николай Иванович** – вице-президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, профессор кафедры теории и истории государства и права Юридического института (Санкт-Петербург), профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академии права и управления ФСИН России, заместитель главного редактора журнала «Теория государства и права», доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия).

11. **Крылова Елена Геннадьевна** – заведующая кафедрой публично-правовых и частно-правовых дисциплин Юридического факультета Института управления, бизнеса и права АНОВО «Международный университет в Москве», доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия).

12. **Липинский Дмитрий Анатольевич** – профессор кафедры теории государства и права Института права Тольяттинского государственного университета, зам. гл. редактора журнала «Вектор науки Тольяттинского государственного университета», доктор юридических наук, профессор (г. Тольятти, Россия).

13. **Мицкая Елена Владимировна** – профессор кафедры уголовного права и криминологии Южно-Казахстанского государственного университета им. М. Ауэзова, доктор юридических наук, профессор (г. Шымкент, Республика Казахстан).

14. **Сальников Виктор Петрович** – Президент Фонда поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия).

15. **Галиев Фарит Хатипович** – профессор кафедры теории государства и права Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», гл. редактор журнала «Правовое государство: теория и практика», доктор юридических наук, доцент (г. Уфа, Россия).

16. **Ковальский Ежи Сергей Чеславович** – заведующий кафедрой российского права, профессор кафедры теории права и юридической логики, заместитель декана по науке Юридического факультета Лазарски университета (Республика Польша), кандидат юридических наук, доктор PhD Law, доктор honoris causa Юридического института, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия).

17. **Мартьянов Александр Геннадьевич** – аспирант кафедры теории и истории государства и права Юридического института (Санкт-Петербург, Россия).

Теория государства и права

Информационные партнеры

Журнал «Теория государства и права»

Вестник Костромского государственного университета

Журнал «Юридическая наука»

Журнал «Вектор науки Тольяттинского государственного университета»
Серия: Юридические науки

Журнал «Правовая политика и правовая жизнь»

Журнал «Юридическая мысль»
Журнал «Правовое государство: теория и практика»

<p>Журнал «Миграционное право»</p>	 <p>Компания «Консультант-Плюс»</p>	 <p>УВЕРЕННОСТЬ В КАЖДОМ РЕШЕНИИ. ИНФОРМАЦИОННО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ</p> <p>Компания «Гарант»</p>	<p>Журнал «Law and Power»</p>
------------------------------------	--	---	-------------------------------

На обложке Московский международный университет

Содержание

		Стр.
Винокуров В.А.	Свобода научного творчества и проблемы публикации результатов научных исследований в области права.....	12
Дроздова А.М., Васильева И.О.	Влияние правовой системы России на романо-германскую правовую семью (на примере стран СНГ).....	15
Евсеенкова С.В.	Порядок формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: проблемы и перспективы.....	27
Жунусканов Т.Ж., Верба Д.В.	Государственное устройство и система конституционного законодательства России: вопросы дисбаланса теории и практики правового регулирования.....	33
Ковальский Е.С.Ч., Комаров В.С.	Историческая эволюция идеи «права человека».....	41
Комаров С.А., Галиев Ф.Х.	Соционормативная основа правового государства.....	46
Литвинов А.М.	Основания досрочного прекращения полномочий члена парламента Российской Федерации на современном этапе.....	53
Ревнов Б.А.	Значение юрисдикции Конституционного Суда Российской Федерации для развития законодательства субъектов Российской Федерации.....	60
Зорькин В.Д.	Справедливость – императив цивилизации права.....	67
Комаров С.А.	Рецензия на монографию Ольги Эдуардовны Старовойтовой на тему «Тело человека и закон» / Старовойтова О. Э.; вступ. ст. Э. В. Кузнецова. – СПб., 2018. – 130 с.	81

Теория государства и права

Редакционно-издательский совет:

Комаров Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия) (учредитель, председатель совета)

Азнагулова Гузель Мухаметовна, доктор юридических наук, доцент (г. Уфа, Россия)

Арзамаскин Николай Николаевич, доктор юридических наук, профессор (г. Ульяновск, Россия)

Артемьев Андрей Борисович, кандидат юридических наук, доцент (г. Коломна, Россия)

Баранов Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (г. Нижний Новгород, Россия)

Дроздова Александра Михайловна, доктор юридических наук, профессор (г. Ставрополь, Россия)

Ирошников Денис Владимирович, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Калинин Алексей Юрьевич, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Ковальский Ежи Сергей Чеславович, кандидат юридических наук, профессор (Республика Польша) (г. Санкт-Петербург, Россия)

Крылова Елена Геннадьевна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Липинский Дмитрий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор (г. Тольятти, Россия)

Мицкая Елена Владимировна, доктор юридических наук, профессор (г. Шымкент, Республика Казахстан)

Печникова Ольга Глебовна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Прокопович Галина Алексеевна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Ревнова Мария Борисовна, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)

Сальников Виктор Петрович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ (г. Санкт-Петербург, Россия)

Цыбулевская Ольга Ивановна, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов, Россия)

Шамба Тарас Миронович, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Редакционная коллегия:

Комаров Владимир Сергеевич, главный редактор, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)

Воробьев Сергей Михайлович, заместитель главного редактора, доктор юридических наук, профессор (г. Рязань, Россия)

Саматов Андрей Валерьевич, ответственный секретарь редакции (г. Москва, Россия)

Альбиков Равиль Фатхулович, кандидат юридических наук, доцент (Москва)
Белянская Ольга Викторовна, кандидат юридических наук, доцент (г. Тамбов, Россия)

Галиев Фарит Хатипович, доктор юридических наук, доцент (г. Уфа, Россия)
Ирошников Денис Владимирович, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Комарова Татьяна Львовна, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия) (г. Москва, Россия)

Мамитова Наталия Викторовна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Полицук Николай Иванович, доктор юридических наук, профессор (г. Рязань, Россия)

Попова Анна Владиславовна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Хабибулин Алик Галимзянович, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Якушев Александр Николаевич, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, кандидат педагогических наук, профессор (г. Армавир, Россия)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство ПИ № ФС77-65110 от 28.03.2016 г. Журнал выходит с периодичностью 4 раза в год.

Подписку на журнал можно оформить также и на сайте www.matgip.ru

Журнал «Теория государства и права» основан в 2016 году.
Учредитель: Комаров Сергей Александрович.

ISSN: 2500-0837

© Теория государства и права, 2018.

© Авторы, 2018.

Полнотекстовая версия журнала и архив номеров с 2016 г. по настоящее время доступна в Интернете на сайте Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права (<http://matgip.ru/magazine>).

***Подписной индекс в Объединенном каталоге
«Пресса России» – 38960.***

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Полнотекстовые выпуски журнала в свободном доступе представлены в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU

При цитировании ссылка на конкретную статью в журнале обязательна. Воспроизведение материалов в печатных, электронных или иных изданиях без разрешения редакции запрещено. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей несут авторы.

Теория государства и права

Editorial and publishing council:

Komarov Sergey Aleksandrovich, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)
(chairman of the board)

Aznagulova Guzel Mukhametovna, Doctor of legal sciences, associate professor
(Ufa, Russia)

Arzmaskin Nikolay Nikolaevich, Doctor of legal sciences, professor (Ulyanovsk,
Russia)

Artemyev Andrey Borisovich, Candidate of legal sciences, associate professor (Ko-
lomna, Russia)

Baranov Vladimir Mikhaylovich, Doctor of legal sciences, professor, Honored
worker of science of the Russian Federation (Nizhny Novgorod, Russia)

Drozdova Aleksandra Mikhaylovna, Doctor of legal sciences, professor (Stavropol,
Russia)

Iroshnikov Denis Vladimirovich, Candidate of legal sciences, associate professor
(Moscow, Russia)

Kalinin Alexey Yuryevich, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Kowalski Jerzy Sergey Cheslavovich, Candidate of legal sciences, associate profes-
sor (Warszawa, Republic of Poland)

Krylova Elena Gennadyevna, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Lipinsky Dmitry Anatolyevich, Doctor of legal sciences, professor (Tolyatti, Russia)

Mitskaya Elena Vladimirovna, Doctor of legal sciences, professor (Shymkent, the
Republic of Kazakhstan)

Pechnikova Olga Glebovna, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Prokopovich Galina Alekseevna, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Revnova Maria Borisovna, Candidate of legal sciences, associate professor (St. Pe-
tersburg)

Sal'nikov Victor Petrovich, Doctor of legal sciences, professor, Honored worker of
science of the Russian Federation, Honorary worker of higher education of the Rus-
sian Federation (St. Petersburg, Russia)

Tsybulevskaya Olga Ivanovna, Doctor of legal sciences, professor (Saratov, Russia)

Shamba Taras Mironovich, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Editorial board:

Komarov Vladimir Sergeyeovich, Editor in chief, Candidate of legal sciences, asso-
ciate professor (St. Petersburg)

Vorobiev Sergey Mikhaylovich, Deputy editor, Doctor of legal sciences, professor
(Ryazan, Russia)

Samatov Andrey Valeryevich, Executive secretary of the editorial board (Moscow,
Russia)

Albikov Ravil Fatkhulovich, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
(Moscow)

Belyanskaya Olga Viktorovna, Candidate of legal sciences, associate professor
(Tambov, Russia)

Galiyev Farit Hatipovich, Doctor of legal sciences, professor (Ufa, Russia)

Theory of State and Law

Iroshnikov Denis Vladimirovich, Candidate of legal sciences, associate professor (Moscow, Russia)

Komarova Tatyana Lvovna, Candidate of legal sciences, associate professor (St. Petersburg) (Moscow, Russia)

Mamitova Natalia Viktorovna, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Polishchuk Nikolay Ivanovich, Doctor of legal sciences, professor (Ryazan, Russia)

Popova Anna Vladislavovna, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Khabibulin Alik Galimzyanovich, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Yakushev Alexander Nikolaevich, Doctor of historical sciences, Candidate of legal sciences, Candidate of pedagogical sciences, professor

«Theory of State and Law» is registered in Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media.

The certificate ПИ № ФС77-65110, March 28, 2016.

You can subscribe to the magazine also on the website **www.matgip.ru**

ISSN: 2500-0837

«Theory of State and Law» according to the union catalog «Press of Russia»

© The Theory of State and Law, 2018.

© Authors, 2018.

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of the Interregional association of theorists of the state and the law (www.matgip.ru)

***The journal is listed in the Citation index system of the Union Catalogue
"Russian Press" (index 38960).***

At citing the reference to a particular series of «Theory of State and Law» is obligatory. The reproduction of materials in printed, electronic or other editions without the Editorial Board permission, is forbidden. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

В.А. Винокуров*

СВОБОДА НАУЧНОГО ТВОРЧЕСТВА И ПРОБЛЕМЫ ПУБЛИКАЦИИ РЕЗУЛЬТАТОВ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБЛАСТИ ПРАВА

***Аннотация.** Статья посвящена конституционному праву каждого на свободу научного творчества и отдельным проблемам, возникающим при подготовке и публикации научных статей в области права.*

Рассмотрены и проанализированы вопросы, связанные с препятствиями, создаваемыми редакциями научных журналов, в том числе в части оформления библиографических ссылок в работах, предлагаемых авторами к публикации. Сформулированы предложения по соблюдению свободы научного творчества, которые позволят исключить незаконные ограничения данного права в этой сфере.

***Ключевые слова:** Конституция Российской Федерации; права и свободы человека и гражданина; свобода научного творчества; научные работники; научные исследования; национальный стандарт; библиографическая ссылка; научные журналы.*

FREEDOM OF SCIENTIFIC CREATIVITY AND PROBLEMS OF THE PUBLICATION OF THE RESULTS RESEARCH IN THE FIELD OF LAW

***Annotation.** The article is devoted to the constitutional right of everyone to freedom of scientific creativity and certain problems arising in the preparation and publication of scientific articles in the field of law.*

The issues related to the obstacles created by the editions of scientific journals, including the design of bibliographic references in the works proposed by the authors for publication, are considered and analyzed. The proposals on observance of freedom of scientific creativity which will allow to exclude illegal restrictions of this right in this sphere are formulated.

***Keywords:** Constitution of the Russian Federation; human and civil rights and freedoms; freedom of scientific creativity; researchers; scientific research; national standard; bibliographic reference; scientific journals.*

Конституцией Российской Федерации определено, что каждому гарантируется свобода научного творчества (ч. 1 ст. 44) [1]. В развитие данной конституционной нормы Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» предусматривает, что органы государственной власти Российской Федерации «гарантируют субъектам научной и (или) научно-технической деятельности свободу творчества, предоставляя им право выбора направлений и методов проведения

---

* *Винокуров Владимир Анатольевич*, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России. E-mail: pravo.kaf_tigp@mail.ru

Vinokurov Vladimir A., Doctor of Law, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Theory and History of State and Law Department Saint-Petersburg University of State Fire Service of EMER-

научных исследований и экспериментальных разработок» (пункт 2 статьи 3), при этом управление научной и (или) научно-технической деятельностью должно осуществляться «в пределах, не нарушающих свободу научного творчества» (пункт 3 статьи 7) [2].

Исходя из контекста норм главы II указанного Федерального закона, а также учитывая исследования, проведенные А.А. Батяевым и Д.Ю. Каркавиной [3], можно сделать вывод, что к числу субъектов научной и (или) научно-технической деятельности относятся юридические лица – научные организации (то есть те, которые осуществляют данную деятельность в качестве основной) и физические лица, но не все, а лишь научные работники и специалисты научных организаций. При этом одним из законодательно закрепленных прав научного работника является право «на публикацию в открытой печати научных и (или) научно-технических результатов, если они не содержат сведений, относящихся к государственной, служебной или коммерческой тайне» (пункт 6 статьи 4).

Таким образом, формально-юридически те, кто профессионально занимается наукой, в том числе в организациях, осуществляющих образовательную деятельность, вправе публиковать результаты своих исследований. Но на практике воспользоваться упомянутым правом довольно сложно, если не выпускать свой собственный журнал.

Существуют несколько оснований для отказа научному работнику в публикации. Существенными, на наш взгляд, являются причины, связанные с несовпадением тематики статьи с общей направленностью периодического издания. Понятно, что статья, скажем, по пенсионному праву вряд ли будет уместна в журнале, специализирующимся, например, на вопросах ювенальной юстиции. Вторым немаловажным поводом отказать научному работнику в публикации является отрицательная рецензия, что справедливо, если отзыв на предложенную к публикации статью написан либо признанным специалистом в соответствующей области, либо лицом, которое знакомо с поднимаемыми автором статьи проблемами. При этом рецензент не должен подменять собой автора и предлагать править статью на свой манер. Он, на наш взгляд, должен указать либо на отсутствие новизны (со ссылкой на работы, уже опубликованные на эту тему или с аналогичными выводами), либо на необходимость доработки статьи по отдельным вопросам (с целью сохранения логического изложения мысли), либо на заимствования, которые не оформлены подобающим образом (с указанием работ или авторов, выводы которых были использованы). Конечно, если целью рецензии является формальный повод не допустить научную работу к печати в данном издании, то тогда подойдут любые причины [4].

К формальным причинам, которые никак не связаны ни с темой исследования, ее актуальностью, ни с выводами и предложениями, которые сформулировал автор, можно отнести превышение установленного редакцией объема статьи и ее оформление не по тем правилам, которые посчитали обязательным использовать в данном издании. К сожалению, существенные вопросы не волнуют работников, первыми получающими статьи, предлагаемые авторами к публикации [5]. Не преодолев бюрократическое сито оформительского плана, статья не попадает к специалисту, разбирающемуся в правовых проблемах, который может оценить актуальность и своевременность статьи, а также предварительно определить заинтересованность в ней не только редакции журнала, но и его читателей.

Большинством редакций существующих сегодня научных журналов по праву установлено правило, по которому библиографические ссылки должны оформляться в соответствии с национальным стандартом Российской Федерации ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления» [6]. И это справедливо, поскольку правила должны быть едиными для всех авторов.

Однако указанный национальный стандарт предусматривает возможность использования для связи подстрочных библиографических ссылок с текстом документа как знака сноски, так и знака выноски или отсылку, которые приводят в виде цифр (порядковых номеров), букв, звездочек и других знаков; при этом отсылки в тексте документа заключают в квадратные скобки (пункт 4.13). Таким образом, данный документ позволяет оформлять библиографические ссылки в двух вариантах: 1) в виде сноски или с использованием знака выноски; 2) как отсылку, заключаемую в тексте в квадратных скобках, что подтверждается приведенными в национальном стандарте примерами правильного оформления (см. пункт 7.4.1).

Таким образом, требование редакции журнала оформлять библиографические ссылки только одним из двух предусмотренных нормативным правовым актом способов противоречит законодательству, поскольку нарушает право на свободу творчества. На наш взгляд, в результате теряется авторская индивидуальность, авторский стиль изложения материала, что в конечном итоге приведет к внешней похожести публикаций.

Обратимся к сути названного национального стандарта. Как указано в пункте 4.2 документа, библиографическая ссылка должна содержать библиографические сведения о цитируемом, рассматриваемом или упоминаемом в тексте документа другом документе (его составной части или группе документов), необходимые и достаточные для его идентификации, поиска и общей характеристики. Это означает, что, например, для статьи или монографии достаточно указать фамилию и инициалы автора, наименование работы, где, кем и когда она была опубликована. Для этого довольно выходных данных издания, в котором опубликовано интересующее произведение. Правда, национальный стандарт не определяет, как поступать, если использовавшиеся при исследовании издания не содержат части информации, которую необходимо указать, поскольку книга или брошюра были изданы в период, когда подобных требований или не существовало, или их не придерживались. Кроме того, разработчики национальных стандартов постоянно вводят необъяснимые с формально-логической точки зрения новые или дополнительные требования, в частности, знаки препинания (точки вместо запятых, тире после точек и т. п.), придумывают сокращения слов и наименований актов, изданий, не предусмотренные законодательством, и т. п. По нашему мнению, любые правила оформления текста должны быть разумны, логически объяснимы, просты в применении автором публикуемого исследования, понятны читателю и удобны ему для восприятия научного текста.

Что касается идентификации нормативных правовых актов, то национальный стандарт противоречит Конституции Российской Федерации, в частности ее статьям 76 и 105. Во-первых, у нас не существует «федеральных законов Российской Федерации», а имеются федеральные законы и федеральные конституционные законы; во-вторых, указанные законодательные акты принимаются исключительно Государственной Думой, то есть датой принятия федерального или федерального конституционного закона является дата принятия их указанной палатой Российского парла-

мента, а не тогда, когда этот документ подписал Глава государства. Кроме того, необъяснимым является требование стандарта указывать наименование и другие данные правовых актов не в нормальной логической последовательности, причем с орфографическими ошибками и с указанием на то, что документ приводится «в редакции», под которой скрываются всего лишь изменения.

Так, названным стандартом предлагается оформлять ссылки на нормативные акты следующим образом (см. пункт 7.3 и приложение А):

О противодействии терроризму: Федер. закон Рос. Федерации от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 26 февр. 2006 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 1 марта 2006 г. // Рос. газ. – 2006. – 10 марта.

Федеральная целевая программа "Уничтожение запасов химического оружия в Российской Федерации": утв. Постановлением Правительства Рос. Федерации от 21 марта 1996 г. № 305: в ред. Постановления Правительства Рос. Федерации от 24 окт. 2005 г. № 639 / Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2005. – № 44, ст. 4563. – С. 12763 – 12793.

Как видно, в первой ссылке сначала указывается наименование закона и без кавычек, а потом не предусмотренный Основным Законом государства вид акта, затем стоит не соответствующая времени принятия дата закона. Во второй ссылке слово «постановление» в середине текста употреблено с прописной буквы, несмотря на то, что в официальных документах и в различного рода инструкциях по делопроизводству определено, что данный вид правительственного документа в середине текста печатается со строчной буквы [7], а в данных по источнику опубликования между наименованием источника, годом опубликования и номером издания появились тире, а к номеру статьи, под которой опубликован акт, добавились страницы, что лишь запутало эту информацию. Кроме того, в обеих ссылках используются не установленные законодательством сокращения слов и словосочетаний [8].

На наш взгляд, ссылки на правовые акты должны быть просты и понятны, в них следует применять оправданную логическую последовательность: сначала указывается вид документа, потом дата его принятия и номер (кроме федеральных законов, даты принятия, одобрения и подписания которых только при необходимости лучше указывать после наименования и в скобках), затем наименование, а в конце – официальный источник опубликования. Подобным образом осуществляется, например, оформление документов Главы государства [9].

Учитывая, что федеральные законы могут быть идентифицированы по наименованию, а правовые акты априори должны использоваться в последней, действующей редакции (если только в статье речь не идет о предшествующих нормах), предлагается указанные выше ссылки оформлять следующим образом:

Федеральный закон «О противодействии терроризму» // Собрание законодательства Российской Федерации, 2006, № 11, ст. 1146.

И лишь тогда, когда несколько законов имеют одинаковое наименование, но приняты в разное время (например, по вопросам изменений в федеральный бюджет), возможно указать дату принятия федерального закона и его номер. Пример одного из двух федеральных законов с одинаковым наименованием:

Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О федеральном бюджете на 2014 год и плановый период 2015 и 2106 годов» (принят Госу-

дарственной Думой 21 марта 2014 года, одобрен Советом Федерации 26 марта 2016 года, подписан Президентом Российской Федерации 2 апреля 2014 года № 66-ФЗ) // Российская газета. 2014. 4 апреля.

Федеральная целевая программа «Уничтожение запасов химического оружия в Российской Федерации», утвержденная постановлением Правительства Российской Федерации от 21 марта 1996 года № 305 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 14, ст. 1448.

При ссылке на любой правовой акт необходимо указать его реквизиты. К реквизитам правового акта, которые, на наш взгляд, должны быть указаны при упоминании этого акта в тексте или при оформлении ссылки на него, ученые относят: наименование вида нормативного правового акта; наименование органа, принявшего (издавшего) нормативный правовой акт, либо указание на должностное лицо, принявшее (издавшее) нормативный правовой акт; дату принятия правового акта и его номер; наименование акта (все вместе – титул документа) [10]. При этом дата и номер закона указывать не следует (за исключением случаев законов с одинаковым названием), поскольку закон можно идентифицировать по наименованию. Подобные правила существуют, в частности, в Федеративной Республике Германия, где определено, что дата в наименовании закона не указывается, а исключением из этого правила являются законы временного характера [11].

Вернемся к редактуре статьи. Когда все формальные и неформальные препоны пройдены, положительная рецензия получена и статья планируется в очередной номер журнала, приходит черед корректора работать над текстом. Кроме верстки статьи в принятом в журнале формате, корректор должен исправить орфографические и стилистические ошибки. И здесь авторы зачастую сталкиваются со специалистами, которые, к сожалению, не знают, какие наименования государственных должностей Российской Федерации и субъектов Российской Федерации пишутся с прописной буквы, а какие - со строчной [12]; что из всех видов подзаконных нормативных актов с заглавной буквы пишется только слово «Указ» как вида акта Главы государства, причем конкретный, то есть с датой, номером и наименованием [13]; что слова в наименовании (имени собственном) любого правового акта не могут сокращаться ни при каких обстоятельствах; что после точки всегда следует слово с прописной буквы и т. д.

Безусловно, основным документом для грамотной редакции текста должны выступать Правила русской орфографии и пунктуации 1956 года [14], но с учетом современных реалий. В то же время в отношении общепринятых сокращений, не требующих специальных разъяснений, которые приведены в параграфе 116 указанных Правил, необходимо заметить, что эти сокращения **могут быть** (выделено мной – В.В.) применены. А это позволяет автору не сокращать в своей научной работе слова и словосочетания, то есть в этом случае у работников редакции, подготавливающих статью к печати, отсутствует право на сокращение в представленной работе любых слов и словосочетаний, даже тогда, когда такие сокращения общеприняты.

Академик В.Н. Кудрявцев отмечал, что свобода творчества включает в себе «сложный комплекс прав, интересов, общественных потребностей, обязанностей и неизбежных ограничений» [15]. Но ограничения должны быть разумными, они не должны нарушать право на свободу творчества, тем более тогда, когда существующие стандарты и правила позволяют автору выбирать, как ему оформлять свои научные изыскания.

В результате предлагаются следующие меры, позволяющие снизить остроту проблем, связанных с публикацией научных исследований в области права, устранив при этом незаконные требования редакций журналов:

1. Дополнить требования к рецензируемым научным изданиям для включения в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденные приказом Минобрнауки России от 12 декабря 2016 года № 1586 [16], запретив редакциям указанных изданий:

– ограничивать права авторов на оформление в научных статьях библиографических ссылок в любом из вариантов, предусмотренных национальным стандартом;
– вносить в текст статьи изменения, связанные с сокращением слов и словосочетаний, если они не согласованы с автором.

2. Внести изменения в национальный стандарт Российской Федерации ГОСТ Р 7.0.5–2008, грамотно изложив примеры библиографических ссылок и исключив ненужные и не несущие никакого смысла различные знаки.

Библиографический список

1. См.: Конституция Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

2. Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 35. – Ст. 4137.

3. См.: Батяев А.А., Каркавина Д.Ю. Комментарий к Федеральному закону «О науке и государственной научно-технической политике» (постатейный). Комментарий к статьям 3–6 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». 2007.

4. Например, в работе не указаны работы другого автора, творившего на похожую тему, или для научной работы недостаточно анализа «слов и словосочетаний». При этом рецензенту неважно, что не упомянутый специалист по исследуемым вопросам статей не публиковал, что для полноценного анализа проблемы как раз и следует начинать научное исследование с рассмотрения терминов и понятий и т. п.

5. Исключение составляют отдельные журналы, выпускаемые издательской группой «Юрист», к числу которых относится, в частности, журнал «Конституционное и муниципальное право» (главный редактор – профессор С.А. Авакьян).

6. Указанный национальный стандарт утвержден приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 28 апреля 2008 года № 95-ст и введен в действие с 1 января 2009 года // М.: Стандартинформ, 2008.

7. См., напр.: Методические рекомендации по разработке инструкций по делопроизводству в федеральных органах исполнительной власти, утвержденные приказом Федерального архивного агентства от 23 декабря 2009 года № 76 // Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».

8. Из всех слов, которые использовались в данном случае в сокращенном виде, лишь слово «собрание» включено в Перечень особых случаев сокращений слов и словосочетаний на русском языке в библиографической записи, который оформлен как *обязательное* приложение А к Национальному стандарту Российской Федерации ГОСТ Р 7.0.12-2011. «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая запись. Сокращение слов и словосочетаний на русском языке. Общие требования и правила», утвержденному, как указано

в приказе Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 13 декабря 2011 года № 813-ст, для *добровольного* применения (курсив мой. – В.В.) // М.: Стандартинформ, 2012. Но поскольку это слово в указанном примере является частью наименования официального издания – Собрания законодательства Российской Федерации, то и оно не может приводиться в сокращении.

9. См., напр.: Указ Президента Российской Федерации от 28 сентября 2017 года № 448 «Об изменении и признании утратившими силу некоторых актов Президента РСФСР и Президента Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 40. – Ст. 5820.

10. В перечень реквизитов актов относят и другие (например, герб, фамилия и инициалы лица, подписавшего акт, его подпись, место издания акта), которые при ссылке на правовой акт не указываются, поскольку не влияют на его идентификацию. Подробнее см.: *Соколова М.А.* Дефекты юридических документов: монография. – М.: ИД «Юриспруденция», 2016. – С. 118–123; *Томин В.А.* Юридическая техника: учебное пособие. – СПб: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2015. – С. 27.

11. См.: *Краснов Ю.К., Надвикова В.В., Шкатулла В.И.* Юридическая техника: учебник. – М.: Юстицинформ, 2014. – С. 46.

12. См., в частности: Сводный перечень наименований государственных должностей Российской Федерации, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 11 января 1995 года № 32 // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 3. – Ст. 173.

13. См.: *Винокуров В.А.* Право человека и гражданина на пользование родным русским языком при изучении правовой литературы // Конституционное и муниципальное право. – 2017. – № 8. – С. 30–34.

14. Правила русской орфографии и пунктуации, утвержденные Академией наук СССР, Министерством высшего образования СССР и Министерством просвещения РСФСР в 1956 году // Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР. Москва. – 1956.

15. См.: *Кудрявцев В.Н.* Свобода научного творчества // Государство и право. – 2005. – № 5. – С. 27.

16. Приказ Минобрнауки России от 12 декабря 2016 года № 1586 // Российская газета. 2017. 2 мая.

А.М.Дроздова*
И.О.Васильева**

ВЛИЯНИЕ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ НА РОМАНО-ГЕРМАНСКУЮ ПРАВОВУЮ СЕМЬЮ (НА ПРИМЕРЕ СТРАН СНГ)

***Аннотация.** В статье рассматриваются вопросы развития и влияния современной правовой системы России на иные правовые системы романо-германского права, в частности, выделяются объединяющие признаки российской правовой системы с правовыми системами стран СНГ. Анализируются особенности становления правовых систем бывших республик Советского Союза, выделяются схожие черты в правовых системах стран-участников СНГ, отмечаются общие особенности в законодательстве названных государств при заметном влиянии на них Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ, схожие этапы развития данных государств, что и привело к сближению законодательства стран СНГ. Сделан вывод о том, что Россия как страна, обладающая наибольшим экономическим, политическим, правовым, культурным влиянием на постсоветском пространстве, продолжает оказывать по настоящее время существенное влияние на особенности развития правовых систем стран-участников СНГ.*

***Ключевые слова:** правовая система, романо-германская правовая семья, страны Содружества, особенности правовой системы современной России.*

INFLUENCE OF THE RUSSIAN LEGAL SYSTEM ON THE ROMAN-GERMAN LEGAL FAMILY (ON THE EXAMPLE OF THE CIS COUNTRIES)

***Annotation.** This article discusses the development and influence of modern legal system of the Russian Federation on the legal system of other Romano-Germanic law, in particular, stand out combining signs the Russian legal system, the legal systems of the countries of the CIS. The peculiarities of formation of legal systems of the former republics of the Soviet Union, and therefore stand out similarities in the legal systems of the countries-participants of the CIS. Highlights common features in the law of these States, with a marked impact on them of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States, similar stages of develop-*

---

* **Дроздова Александра Михайловна** – профессор кафедры правовой культуры и защиты прав человека Юридического института Северо-Кавказского федерального университета, доктор юридических наук, профессор. E-mail: temp17@rambler.ru

Drozdova Alexandra Mikhailovna, Professor of the Chair of legal culture and the protection of human rights of HUY, North-Caucasian Federal University, doctor of law, professor.

** **Васильева Ирина Олеговна**, аспирант кафедры правовой культуры и защиты прав человека Юридического института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь). E-mail: irina-vasileva-1993@mail.ru

Vasilyeva Irina Olegovna, Postgraduate of Chair of legal culture and the protection of human rights of Law institute, North-Caucasian Federal University, Stavropol.

ment of these States, and that led to a convergence of legislation of CIS countries. Concluded that Russia as a country with the greatest economic, political, legal, cultural influence in the post-Soviet space, continues to have to present a significant influence on the peculiarities of the legal systems of the countries of the CIS.

Keywords: *legal system, the Roman-German legal family, Commonwealth countries, especially right system of modern Russia.*

«Юрист, который получает сумму профессиональных знаний, юристом не становится. Юристом становится только человек, который всю жизнь ищет свой путь права».
О.У. Холмс [1, с. 9]

Последние годы XX века объективно вызвали определенное сокращение права социалистического типа, что стало значимым событием в дальнейшем функционировании различных правовых семей в мире и в России в том числе. Естественно, встал вопрос – как развиваться дальше, как сближаться с другими правовыми системами и семьями, притом, что социалистическое право всегда было приближено к романо-германской правовой семье.

Компаративистика - достаточно теоретическая отрасль правовой науки, исследующая различные правовые системы государств методом сравнения, становится в настоящее время все больше и больше наиболее востребованной наукой в сфере деятельности законодательных органов власти как внутри страны, так и деятельности различного рода международных организаций. Нельзя не согласиться с тем, что «необходимость усиления внимания к сравнительному правоведению по мере развития общества обусловлена многими объективными и субъективными факторами», как справедливо замечает М.Н. Марченко [2, с. 3].

Естественный научный интерес вызывает вопрос о статусе и влиянии *правовой системы России* на правовые системы других государств, так как до этого момента исследовательский интерес представляло действующее советское право в связи с тем, что оно было не только «старейшим» среди других социалистических правовых систем, но и «наиболее экспортируемым и наиболее копируемым» ими [3].

Анализ становления, развития и влияния правовой системы современного российского государства как обладающей наибольшей совокупностью всех возможностей для дальнейшего влияния на мировой арене из всех республик бывшего СССР, подвергся более тщательному исследованию. Достаточно много внимания уделяется природе и характеру правовой системы современной России, о ее значении, перспективах и оказываемом влиянии на правовые системы других стран [10].

Исследуя процесс функционирования правовой системы России за последние 20 лет, можно заметить, что с одной стороны из правовой материи исключаются принципы, нормы, институты, определяющие исключительность советского социалистического права, а с другой стороны – российское право приобретает, насыщается принципами, нормами, институтами, которых раньше в праве не было, т.к. они признавались чуждыми.

В настоящее время уже достаточно очевидным становится факт о том, что современное российское право заимствовало все основы в своем становлении из ро-

мано-германской правовой системы. Во-первых, следует обратить внимание на кодификацию системы права России; во-вторых, на структуру юридической нормы; в-третьих, на принцип верховенства закона в системе права и на существующие источники российского права, на принцип разделения власти на ветви, а также основные принципы судопроизводства. Во многом данное заимствование обусловлено стремлением России провести курс на вхождение в так называемое «русло мировой цивилизации», т.е. установление демократических норм, принципов экономической, политической и личной свободы человека и гражданина в рамках нового общественного и политического строя.

Однако, несмотря на наличие общих черт российского права с правовыми системами других стран романо-германской семьи, российская правовая система, при наличии собственных исторических, социальных, политических, духовных, национальных основ по-прежнему сохраняет их как уникальные, при этом теснейшим образом взаимодействуя с романо-германским, меньше с общим правом Англии, а также и с другими правовыми семьями и системами [4, с. 25].

После распада Советского Союза новые образовавшиеся самостоятельные государства принялись создавать новые самостоятельные правовые системы. В ходе этого процесса они поступали по-разному: например, страны Балтии возвратились к законодательству 1939-1940 гг. существовавшему до вхождения стран Балтии в состав СССР, и уже на его основе начали создавать систему, близкую к романо-германской, опираясь на право европейских стран. Остальные государства, решив резко не рвать исторически сложившиеся на протяжении долгого времени связи друг с другом будучи в составе СССР, вошли в состав СНГ и начали преобразовывать утратившее актуальность законодательство СССР, приступив к нормотворчеству на основе накопленного опыта, принимая во внимание специфику своего исторического, геополитического развития общие во многом правовые нормы, в тоже время, учитывая идеи необходимой экономической интеграции в общемировое пространство для своего дальнейшего развития. Особенно ярко влияние российской правовой системы можно заметить при рассмотрении ее взаимодействия именно с этой группой государств.

Для достижения серьезных успехов в различных сферах государственного регулирования, таких как производство, строительство, здравоохранение, торговля, культуры и искусства и т.д. было крайне сложно для каждого государства бывшего СССР по отдельности. В связи с этим, нормотворческая деятельность государств-членов СНГ была направлена, прежде всего, на созданию единой правовой базы, которая обеспечивала бы свободное движение товаров, ресурсов, как человеческих, так и материальных, трудовых, а также капиталов в пределах стран СНГ, т.к. для формирования единого правового пространства, которое составляло основу для дальнейшего функционирования в едином экономическом пространстве, было крайне важным постоянное взаимодействие, при том, каждая страна не могла не следить за функционированием своего внутреннего законодательства.

Результатом подобного процесса взаимодействия стала необходимость сближения правовых систем стран СНГ, на основе единых стандартов, которые смогли бы регулировать новые отношения в сфере экономики для участия разных стран, и через них - мирового сообщества в целом. Проявилось это уже в самом начале становления новых независимых государств, в особенностях отдельных пунктов, указанных в основном законе каждой страны - конституции. Так, норму Конституции России, принятой первой среди стран бывшего СССР, содержащий запрет на государст-

венную идеологию, впоследствии закрепленный в конституциях Узбекистана, Таджикистана и Молдовы можно отнести к особенностям, характерным не только для конституций названных стран (например, Болгарии).

Общеизвестно, что конституции таких республик как Украина и Беларусь устанавливают запрет на обязательную какую бы то ни было идеологию. «Сведение высших ценностей государства к правам и свободам человека также специфическая черта конституций стран постсоветского пространства. В такой формулировке, помимо российской Конституции, высшие ценности определены только в конституциях Узбекистана, Туркменистана, Казахстана, Беларуси и Украины. Молдавская конституция добавляет к правам и свободам человека ценности гражданского мира, демократии и справедливости» [5].

Влияние российской правовой системы как одного из государств - участников СНГ, составляющего более половины населения и свыше 60% совокупного дохода Содружества на формирование правовых систем стран бывшего СНГ невозможно недооценить. Благодаря России и ее авторитетному влиянию на различные мировые процессы, происходило сближение права, его отдельных институтов, создание единообразных норм применения сходных или идентичных правовых предписаний, обеспечивающих стирание отдельных правовых различий для эффективного регулирования транснациональных отношений. Существенную роль в данном сближении правовых систем России и остальных стран СНГ непосредственно играет Межпарламентская Ассамблея государств-участников СНГ.

Важнейшей функцией Межпарламентской Ассамблеи, не случайно постоянно действующей в г. Санкт-Петербурге, в рамках ее деятельности является приведение национального законодательства стран-участников Содружества в соответствие с положениями международных договоров, а также дача рекомендаций по процедуре ратификации парламентами стран соглашений, заключенных в рамках СНГ, содействие в сфере обмена правовой информацией между странами. Также одной из основных функций Ассамблеи необходимо считать разработку Модельных законопроектов, принимаемых в качестве рекомендательных законодательных актов для стран-участников Содружества. При использовании модельного закона государство СНГ имеет право вносить в него изменения, с учетом собственной целесообразности, но факт влияния модельного гражданского законодательства на процессы сближения национального законодательства других членов Содружества отрицать нельзя.

Данные положительные черты модельного законотворчества в сфере экономики помогли сформировать правовые основы рыночной экономики, с тем, чтобы в свою очередь создать основы общего экономического пространства. За период существования Межпарламентской ассамблеи было разработано и принято около 200 документов, которые однозначно обеспечили практическое сближение законодательств стран-участников Содружества, в сфере реализации их гражданских, уголовных, уголовно-процессуальных, уголовно-исполнительных и иных кодексов. «Решение Межпарламентской Ассамблеи и её органов производятся на основе поиска консенсуса, что позволяет принимать взаимоприемлемые документы» [6].

Достигнутые таким путем соглашения отразились на создании зоны, так называемой, свободной торговли, как у государств-участников СНГ, так и у Таможенного союза; отрегулированном согласовании отношений в сфере как гражданского, так и экономического оборота, при исполнении бюджетной и фискальной политики. Во всех данных изменениях, затрагивающих правовые системы стран СНГ, несо-

мненно, крайне, велико влияние России как крупнейшего государства-участника СНГ в ее стремлении укрепить отношения с соседними странами в различных сферах своей деятельности.

В процессе своего развития государства СНГ, проходя схожие этапы своего развития, выявляли схожие проблемы и трудности, в связи с чем поиск по их эффективному решению эффективен при общем обсуждении различных вариантов и обмену мнениями, что приводило к сближению законодательства стран СНГ. Существенную роль в сближении гражданского законодательства стран СНГ играют принятые ими теперь уже международные договоры в сфере развития отношений, которые регулируются гражданским законодательством внутри каждой из стран-участников названных договоров. Например, наличие достаточно большого числа различных соглашений, в частности, Договор о свободной торговле, Договор о коллективной безопасности в рамках ОДКБ, Договор об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях между Россией, Республикой Беларусь, Республикой Казахстан и Республикой Кыргызстан. Более того, странами Содружества образован Экономический Суд Содружества Независимых Государств. Следует также заметить, что заключены: «Соглашение о статусе Экономического суда», «Соглашение о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности»; была также принята Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам; сформированный по инициативе России с 2010 г. Единый таможенный союз активно действует, на данный момент, в него входят Россия, Беларусь, Казахстан, Армения и Киргизия.

Система гражданского права государств Содружества создана и действует на единых принципах, таких как: принцип свободы договора, неприкосновенность всех видов собственности, принцип невмешательства в частные дела, а также отказ от действовавших ранее принципов, административно-командной системы управления хозяйством. Первый, из стран СНГ, сформированный Модельный гражданский кодекс был принят за основу именно в России, а затем и в Киргизии, Казахстане, Армении, Белоруссии, Узбекистане, Таджикистане. Впоследствии определенное влияние Гражданский кодекс России оказал на аналогичные кодексы других стран бывшего СССР, таких как: Азербайджан, Грузия, Молдова при создании своей национальной кодификации права они также ориентировались на Модельный гражданский кодекс стран СНГ [7]. А впоследствии Гражданский кодекс Монголии, непризнанной большинством стран независимой Абхазии, практически полностью заимствовал по своей структуре и содержанию Гражданский кодекс России [8]. Гражданское законодательство всех стран СНГ строится на пандектном принципе, использует обычно единую систему последовательности институтов Гражданского кодекса; определенный порядок возникновения, изменения и прекращения гражданских правоотношений; единообразный подход к условиям, необходимым для привлечения лица к ответственности за нарушение обязательств и условий освобождения от ответственности; нельзя не отметить, что совпадают понятие и содержание права собственности, как основного института гражданского права.

По настоящее время на территории бывшего Советского Союза, т.е. на территориях республик, которые пользовались вместе с Россией одной и той же системой права, исторически и объективно наблюдается влияние современной российской правовой системы в целом, что имеет определенную объективную историческую обусловленность и связь между народами названных стран. Проанализировав осно-

вы законодательства стран СНГ, начиная с их общих, характерных именно для них положений Конституций, общего гражданского законодательства, построенного на единой модели, а также множества различных межгосударственных соглашений, укрепляющих правовые связи с Россией, можно сделать однозначный вывод о том, что развитие права в этих странах происходило под влиянием правовой системы России, ее существенном влиянии на экономическое, политическое, правовое, культурное формирование и развитие этих стран.

Таким образом можно отметить, что объективно определенным ориентиром явилось и является для стран СНГ именно российское право. Следует заметить, что названная тенденции сохраняется уже на протяжении более 25 лет и в рамках СНГ гражданское законодательство опирается в основном на единые принципы, а имеющиеся отличия не принципиальны и связаны, в первую очередь, с отдельными национальными, культурными и иными особенностями права в отдельной стране. Такой общности правовых систем в основном способствовало сближение в сфере законодательств, проводимая Межпарламентской Ассамблеей государств СНГ.

По мнению ученых, начальными показателями сравнения и анализа внутренних законодательств государств-участников Содружества будут: общая природа и история государств, их общие территориальные интересы, принципы права, основные формы и источники права; а также взаимосвязанная и взаимодействующая правовая культура, традиционное правотворчество и правоприменение и, не отрицая влияния различных правовых семей, следует отметить общность правовых систем государств в рамках СНГ, предопределяющейся общим курсом на сближение внутренних национальных законодательств, при условии расширения сферы использования договоров, соглашений, а также внедрения унифицированных и модельных актов по регулированию различных сфер отношений [9].

Вопрос о будущем возможном влиянии российской правовой системы на различные правовые системы стран романо-германского права, в частности, на правовые системы стран СНГ, представляется особо интересным и достойным пристального внимания в силу объективно происходящих в последние годы политических преобразований, происходящих в последние годы в странах СНГ. Ведь право России, по самой ее сущности, правокультурно - это определяет его главной составляющей правовой общности стран Содружества, объединяющей и влияющей в большей или меньшей степени на государственные, политические, социально-духовные элементы правовых систем в этих странах. Однако, в настоящее время большая политическая напряженность в отношениях некоторых стран данного союза с Россией не может не сказываться на их сфере правового регулирования. Решение данной проблемы осложняется различными геополитическими, идеологическими, международными проблемами. Представляется, что несмотря на процессы, направленные на стремление стран к полной независимости во всех аспектах своей деятельности и их стремлении во многом дистанцироваться от России, влияние российского государства, и как следствие, его правовой системы, во многом сможет сохранить свое воздействие действие на будущее, в связи с чем, правовая система России в обозримом будущем продолжает оставаться основой выделяющейся правовой семьи восточнославянских и некоторой части тюркских народов бывшего Советского Союза.

Влияние правовой системы России и общность системы законодательства государств – членов СНГ будет в зависимости от дальнейшего развития и функционирования самого Содружества, а при условии его активного укрепления и развития,

в перспективе может сформироваться новая правовая семья, под названием «евразийская», основой которой может служить именно правовая система России. Однако в некоторых странах бывшего СССР уже серьезно наметилось ухудшение политических отношений с Россией, а, следовательно, вполне возможен постепенный уход от прежних общих правовых принципов и законодательных особенностей. К примеру, именно так и произошло с Грузией, которая до 2009 года входила в состав СНГ, а после известного политического конфликта с Россией покинула состав СНГ и отказалась сотрудничать с Россией в общих вопросах и проблемах правового регулирования общественно-правовых отношений, выбрав «прозападный» путь развития своей правовой системы [10].

Если говорить, что «Российская правовая система как наиболее мощная и влиятельная из всех прежних социалистических правовых систем находится в настоящее время в переходном состоянии, открытом для обмена идеями, опытом и взаимодействием с любой правовой системой, в связи с чем взаимодействие со схожими романо-германскими правовыми системами стран СНГ позволяет говорить о продолжении взаимодействия в сфере правового регулирования в различных сферах». Результаты этого взаимовыгодного влияния заметны практически во всех отраслях законодательства современной правовой системы России: гражданской, финансовой, налоговой, таможенной и т.д. Весьма важным при этом является в процессе влияния российской правовой системы на правовые системы стран семьи романо-германского права, и в первую очередь, стран СНГ, представляется необходимость взаимно укреплять и усиливать потенциальные возможности друг друга с тем, чтобы постоянно развивался процесс взаимной интеграции, объективного и естественного сближения, а также и взаимовыгодного сотрудничества, который ни в коей мере не воспринимался бы отдельными странами как насильственное поглощение или подавление самобытности и возможностей воздействия со стороны одной правовой системы в отношении другой системы или семьи.

Однако следует заметить, что если избрать только «самобытное» право, то вполне можно оказаться вне международного права, а значит следует обязательно учитывать и применять международный опыт развития правовой материи в национальном праве. Если такого баланса удастся достичь, то российская правовая система сможет стать ведущей в своем регионе и сможет укрепить свои позиции на международной арене, чего в конечном итоге очень бы хотелось для дальнейшего укрепления и сотрудничества между странами СНГ и иными государствами с родственными правовыми системами.

Библиографический список

1. Гаджиев Г.А. Юридическая картина мира: лекция //Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2017. – Вып. 2. – С. 7-13.
2. Марченко М.Н. Сравнительное правоведение: учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. - Москва: Проспект, 2016. – 784 с.
3. Правовая система социализма. Том I /Отв. ред. А.М. Васильев. – М., 1986. – 386 с.
4. Лукьянова Е.Г. Глобализация и правовая система России (основные направления развития). – М., 2006. – 112 с.
5. Багдасарян В.Э. О запрете государственной идеологии в Конституции РФ. Научная статья. <http://rusrand.ru/analytics/o-zaprete-gosudarstvennoj-ideologii-v-konstitutsii-rf/> (Дата обращения: 05.03.2018 г.)

6. *Федулова Н.* Содружество независимых государств – 15 лет спустя //Мировая экономика и международные отношения. – 2006. – № 12. – С. 82-91.

7. Гражданский кодекс. Модель: рекомендательный законодательный акт Содружества Независимых Государств, принятый 5-м пленарным заседанием Межпарламентской Ассамблеи государств - участников СНГ, 29 октября 1994 г. Ч. I. // Информационный бюллетень Межпарламентской ассамблеи государств - участников СНГ. – 1995. – № 6. – С. 3-192.

8. *Книпер Р.* Сотрудничество в области правовых реформ: универсальность и контекст. URL: [http:// cis-legal-reform.org/ publication/ articles-reports/ juristische-zusammenarbeit- universalitaet- und- kontext.ru.html](http://cis-legal-reform.org/publication/articles-reports/juristische-zusammenarbeit-universalitaet-und-kontext.ru.html) (Дата обращения: 10.03.2018)

9. *Годин Ю.* Россия и СНГ: геополитические вызовы //Мировая экономика и международные отношения. – 2009. – № 4. – С. 90-94.

10. *Вигнанский М.* Последняя стала первой //Россия в глобальной политике. – 2009. – № 4. – С. 23-25.

10. См., напр.: *Aznagulova G.M., Komarov S.A.* Typology of national legal systems (historical and legal analysis) // Norwegian Journal of development of the International Science. – 2017. – № 8. – P. 41-46.

С.В.Евсеенкова*

ПОРЯДОК ФОРМИРОВАНИЯ СОВЕТА ФЕДЕРАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

***Аннотация.** В статье рассматривается порядок формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, анализируются вопросы представительной демократии, раскрывается основное предназначение Совета Федерации: являясь палатой парламента, этот орган должен представлять интересы населения государства и в то же время, будучи атрибутом федеративного государства, обеспечивать представление интересов представительных и исполнительных органов власти регионов.*

***Ключевые слова:** законодательный (представительный) орган, палата регионов, выборы, парламентаризм, порядок формирования, разделение властей, Совет Федерации.*

THE ORDER OF FORMATION OF COUNCIL OF FEDERATION OF THE FEDERAL ASSEMBLY OF THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS AND PROSPECTS

***Summary.** The article considers the order of formation of Council of Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation, analyzes the issues of representative democracy, reveals the main purpose of the Council of Federation: as the house of Parliament, this body should represent the interests of the population of the state and at the same time, being an attribute of a Federal state, to ensure representation of interests of representative and Executive authorities of regions.*

***Keywords:** legislative (representative) body, the chamber of regions, elections, parliamentarism, formation, separation of powers, the Council of Federation.*

Порядок формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации (далее – Совет Федерации) раскрывает особенности реализации идеи представительства в историческом аспекте, отражает современные подходы к этому процессу в современных условиях. Анализ порядка формирования государственного органа является важной составляющей характеристики его правового положения.

Эта проблема не потеряла своей актуальности в течение двадцати с лишним лет – от момента принятия Конституции Российской Федерации 1993 года до сегодняшнего дня. За это время порядок формирования одной из палат Федерального Собрания Российской Федерации (парламента России) неоднократно менялся, хотя конституционных изменений не последовало. Так, можно выделить 5 периодов формирования и функционирования Совета Федерации в зависимости от этих особенностей: первый период (1993 – 1995) [1], второй (1995 – 2000) [2], третий (2000 – 2009) [3], четвертый (2009 – 2012) [4] и, наконец, пятый (2012 г. по н/в) [5].

---

* *Евсеенкова Светлана Васильевна*, соискатель кафедры теории и истории государства и права Юридического института (Санкт-Петербург).

Сегодня российские конституционалисты пытаются выработать наиболее эффективную процедуру его формирования с учетом целей деятельности данного органа, особенностей государственного устройства России, обеспечения реализации прав и законных интересов граждан Российской Федерации в условиях демократического государства и др. [6].

Федеральный закон от 3 декабря 2012 г. № 229-ФЗ (ред. от 01.07.2017) «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 229) [4] заложил новые подходы в данной сфере, однако дискуссии о правовом положении Совета Федерации продолжаются. Вместе с тем в настоящее время концепция формирования Совета Федерации принципиально меняется в связи с принятием Закона Российской Федерации о поправке Конституции Российской Федерации в части включения в состав Совета Федерации представителей Российской Федерации общей численностью до 10% от числа остальных членов Совета Федерации [7].

Статья 94 действующей Конституции Российской Федерации (далее – Конституция) определяет основной подход к предназначению Совета Федерации: являясь палатой парламента, этот орган должен представлять интересы населения государства и в то же время, будучи атрибутом федеративного государства, обеспечивать представление интересов представительных и исполнительных органов власти регионов. Различные модели формирования Совета Федерации, имевшие место за последние два десятилетия, показывают, что такой порядок вряд ли мог быть однозначно определен в Конституции без учета конкретной правоприменительной практики, которая и выявляла недостатки предыдущих моделей.

Основная проблема – обеспечить баланс между предназначением Совета Федерации как органа, представляющего интересы территориальных образований в условиях федерации, и правовой природой данного органа, являющегося верхней палатой парламента, что требует в рамках демократического государства участия населения в его формировании и, соответственно, учета его интересов в законопроектной деятельности. В то же время это должен быть орган федерации, который ставил бы во главу угла приоритеты федерального центра с учетом интересов отдельных территорий, а не интересы региональных элит, которые могут не учитывать необходимость решения общегосударственных задач или вовсе помешать их решению.

Необходимость координации законодательной деятельности представительных органов территорий силами Совета Федерации вполне справедливо обозначалась на федеральном уровне. Кроме того, с учетом современной международной и геополитической обстановки роль Совета Федерации в реализации именно общегосударственных интересов, связанных с защитой территории и населения Российской Федерации, существенно повышается, в том числе при решении вопроса об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации за пределами территории нашей страны; утверждении указа Президента Российской Федерации о введении военного положения. В этой связи указанная инициатива о вхождении в состав верхней палаты парламента представителей федерального центра очевидно будет способствовать решению данной задачи.

Участие Главы государства в формировании верхней палаты парламента федерации имеет примеры и в зарубежной конституционной практике. В целом же именно сочетание различных подходов к формированию верхней палаты позволяет учи-

тывать многообразие территориальных и национальных интересов сложно устроенного государства, каковым является Российская Федерация.

Однако конституционная реформа не изменяет действующего положения относительно вхождения в Совет Федерации по два представителя от каждого субъекта Российской Федерации: по одному от представительного и исполнительного органов государственной власти. А значит, вопрос о процедуре наделения полномочиями указанных членов Совета Федерации остается открытым.

Как отмечалось выше, представительный характер парламента требует участия населения в его формировании. Обязательность выборности парламента декларирована Конституцией исходя из того, что выборность является фактором громадной практической важности, в значительной степени определяющей место народного представительства среди других государственных установлений и его жизненное значение. Выборность создает тесную нравственную связь парламента с народом и служит источником политической силы народного представительства. Кроме того, выборность народного представительства создает его полную независимость от бюрократического механизма.

По мнению теоретиков конституционного права в отношении порядка формирования Совета Федерации, в условиях демократического государства под представительством понимается именно народное представительство. В качестве одной из проблем конституционного права указывается на то, что Совет Федерации не формируется населением, обосновывая необходимость введения прямых выборов его членов. В то же время усматриваются основания полагать, что прямые выборы не будут способствовать тесному взаимодействию членов Совета Федерации с региональными органами власти, фактически превращая верхнюю палату в дублера Государственной Думы, а кроме того, это потребует новых поправок к Конституции.

Учитывая конституционные нормы, подход законодателя к формированию Совета Федерации очень емко сформулирован в ст. 1 Федерального закона, установившей, что наделение полномочиями члена Совета Федерации осуществляется соответствующим органом государственной власти субъекта Российской Федерации на основе волеизъявления избирателей данного субъекта РФ. Однако реализация этого принципа требует создания уникальной процедуры формирования такого органа.

Согласно действующему порядку формирования Совета Федерации представитель от законодательного органа власти определяется им из числа депутатов данного органа. Действительно, в данном случае он напрямую избирается гражданами в качестве депутата, а затем, на второй стадии, проходит процедуру избрания от органа. Однако данный порядок, на наш взгляд, имеет ряд существенных недостатков. Во-первых, граждане изначально голосуют за гражданина в качестве кандидата в законодательный орган, а не в орган федерального уровня, где необходимо решать качественно иные задачи, требующие другого объема навыков и опыта. Во-вторых, наделение одного из депутатов, избранного по одномандатному округу, полномочиями члена Совета Федерации учитывает волеизъявление избирателей только данного округа, а не избирателей региона в целом. С учетом снижения федеральным законодателем обязательной доли депутатов, избираемых по пропорциональной избирательной системе в органы законодательной власти субъекта Российской Федерации, такая ситуация представляется наиболее вероятной. Вместе с тем избрание членом Совета Федерации депутата, избранного по списку от политической партии, вступает в определенное противоречие с принципом, заложенным самим федераль-

ным законодателем: Совет Федерации формируется по непартийному принципу [4, п. 4 ст. 1].

С целью исключения необходимости проводить дополнительные выборы в результате наделения полномочиями члена Совета Федерации депутата законодательного органа, избранного по одномандатному избирательному округу, федеральный законодатель принял поправки, позволяющие совмещать вышеуказанные полномочия.

Однако такой подход представляется необоснованным. Во-первых, в данном случае фактически одно лицо будет одновременно являться членом двух парламентов, что может повлечь конфликт интересов в законодательной деятельности, связанный с предопределенностью в принятии отдельных решений, особенно учитывая, что число таких лиц может составлять до половины от общего количества членов Совета Федерации. Так, например, при одобрении проекта закона о поправке к Конституции Российской Федерации одни и те же лица будут участвовать в голосовании дважды: при одобрении проекта в Совете Федерации и в региональном парламенте. Хотя конституционные положения требуют четкого разделения инстанций в целях взвешенного решения данного вопроса.

Определенные сложности могут вызывать и вопросы, связанные с разграничением предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и ее субъектами. В этой связи представляется возможным согласиться с мнением о том, что запрет совмещения реализации представительной власти на разных уровнях является существенной гарантией самостоятельности субъектов Российской Федерации в осуществлении государственной (в том числе представительной) власти вне пределов ведения Российской Федерации и полномочий федеральных органов государственной власти по предметам совместного ведения.

Во-вторых, можно говорить о неравенстве правового статуса и, как следствие, политического «веса» депутатов регионального парламента, поскольку депутат, избранный по одномандатному избирательному округу, будет иметь возможность одновременной работы в федеральном органе в отличие от своих коллег, избранных по пропорциональной системе.

В-третьих, совмещение полномочий вызовет сложности в организации работы парламентов, особенно для представителей отдаленных регионов России.

Наделение полномочиями члена Совета Федерации – представителя от исполнительной власти – согласно положениям Федерального закона сложно назвать основанным на прямом волеизъявлении избирателей субъекта Российской Федерации. Так, кандидат на должность высшего должностного лица субъекта Российской Федерации лишь представляет три кандидатуры, отдельного голосования избирателей по которым не проводится. При условии голосования за соответствующего кандидата на должность высшего должностного лица субъекта Российской Федерации предполагается согласие избирателей и с представленными им кандидатурами в Совет Федерации. Вместе с тем возможна ситуация, когда избиратели могут поддерживать самого кандидата, но относиться отрицательно к представленным им кандидатурам в Совет Федерации, либо относиться к ним нейтрально, либо поддерживать некоторые из них и т.п. Однако учет мнения избирателей по данным вопросам не предполагается, а правовые последствия в случае избрания высшего должностного лица субъекта Российской Федерации всегда одинаковы. Таким образом, законодатель исходит из принципа презумпции согласия избирателей, что не является по существу прямым волеизъявлением.

Очевидно, что для реализации в процедуре формирования Совета Федерации двух составляющих (волеизъявление избирателей, наделение полномочиями соответствующим органом) необходимо институционально выделить две стадии такого формирования. Первая стадия – собственно голосование избирателей, процедура которого может в этом случае строиться по аналогии с процедурой выборов депутатов в многомандатном избирательном округе, включающем в данном случае всю территорию соответствующего субъекта Российской Федерации. Однако такая стадия не является выборами, поскольку в результате их лицо полномочиями члена Совета Федерации напрямую не наделяется, а будет представлять собой самостоятельную форму непосредственной демократии (наряду с голосованием по отзыву, изменению границ и др.). В результате голосования избирателей возможно формирование коллегии кандидатур в состав Совета Федерации, из числа которых и будут определяться представители органа законодательной и исполнительной власти их последующими решениями. В выдвижении кандидатов могут принимать участие указанные органы государственной власти субъекта Российской Федерации.

В целом процедура формирования Совета Федерации еще далека от совершенства и требует качественной регламентации, в том числе в части используемой юридической терминологии. Так, например, понятие «безупречная репутация» в силу отсутствия критериев ее определения, во многом субъективности данного критерия и механизма проверки безупречности не вполне целесообразно [8].

Нам представляется, что вполне необходимо дальнейшее совершенствование законодательства о порядке формирования и деятельности Совета Федерации, обусловленного новым порядком его формирования. Во многом от взвешенности и объективности подходов к данному вопросу будет зависеть эффективность и своевременность решения стратегических государственных задач при обеспечении баланса интересов многонационального населения России и региональных государственных институтов.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 05.12.1995 № 192-ФЗ «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 50. – Ст. 4869.
2. Федеральный закон от 05.08.2000 № 113-ФЗ «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 32. – Ст. 3336.
3. Федеральный закон от 14.02.2009 № 21-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с изменением порядка формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 6. – Ст. 1057.
4. Федеральный закон от 03.12.2012 № 229-ФЗ (ред. от 01.07.2017) «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 50 (часть 4). – Ст. 6952.
5. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 21.07.2014 № 11-ФКЗ «О Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 30. – Часть I. – Ст. 4202.
6. См., напр.: *Литвинов А.М.* Механизм представительства Российской Федерации в верхней палате парламента: этапы становления и причины изменений: статья // Со-

циум и власть. – 2015. – № 1 (51). – С. 61-66; *Быков С.В.* Порядок формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: становление и перспективы развития: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007. – 215 с.; *Смоленская, А.А.* Формирование Совета Федерации: эволюция и современное состояние // Конституционное и муниципальное право. – 2014. – № 10. – С. 7; *Ныrkова Т.Ю.* К вопросу об изменении порядка формирования Совета Федерации // Конституционное и муниципальное право. – 2009. – № 9. – С. 10–11.

7. Комментарий к Конституции Российской Федерации. 3-е изд., испр. и доп. / под ред. проф. С.А. Комарова. – М.: Изд-во «Юрайт», 2018. – 425 с.

8. *Литвинов А.М.* Механизм представительства Российской Федерации в верхней палате Парламента: этапы становления и причины изменений // Социум и власть. – 2015. – № 1. – С. 65.

Т.Ж.Жунусканов*
Д.В.Верба*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО И СИСТЕМА КОНСТИТУЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ: ВОПРОСЫ ДИСБАЛАНСА ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация: Автором исследованы вопросы дисбаланса теории и практики правового регулирования системы конституционного законодательства и государственного устройства России. Новизной исследования является авторское понятие регионального законодательства.

Ключевые слова: Конституция, законодательство, государственное устройство, властеотношения, система, субъект Федерации.

STATE STRUCTURE AND SYSTEM OF THE CONSTITUTIONAL LEGISLATION OF RUSSIA: ISSUES OF THE IMBALANCE OF THEORY AND PRACTICE OF LEGAL REGULATION

Annotation. The author investigates the issues of the imbalance of the theory and legal regulation of the system of the constitutional legislation and the state system of Russia. The novelty of the study is the author's concept of regional legislation.

Keywords: Constitution, legislation, state structure, power relations, system, subject of the Federation.

Ни для кого не секрет, что государственное устройство в научной литературе трактуется по-разному. Нет единого мнения в его научной оценке с юридической точки зрения, а на законодательном уровне оно вообще отсутствует. Хотя именно государственное устройство, особенно форма правления, является фактором, определяющим меру централизации и децентрализации власти в государстве, монополию политической власти на важнейшие общественные отношения, контроля над обществом, и, наконец, в большинстве случаев политико-правовым средством воздействия на содержание конституции и законодательства в целом, конституционного законодательства - в особенности. Дело в том, что государство реализует свою власть с определенными принципами, в том числе возведя те или иные государственные учреждения и органы или должностных лиц государства в ранг конституционных [1], тем самым законодательно подчеркивается их важность в системе органов государственной власти, непререкаемость и юридическая сила их нормативных правовых актов. С другой стороны, де-факто возникает вопрос: соблюдается ли конституционный принцип равенства всех перед законом и судом?

---

* **Жунусканов Толыбек Жунусканулы** – адвокат Костанайской областной коллегии адвокатов (Республика Казахстан), аспирант кафедры конституционного и административного права Юридического института (Санкт-Петербург). E-mail: zhunuskanov_t@mail.ru.

* **Верба Дина Валерьевна** – соискатель кафедры теории и истории государства и права Юридического института (Санкт-Петербург). Научный руководитель: доктор юридических наук профессор С.А.Комаров.

Ведь его нарушение порождает коррупцию, вседозволенность, разлагает общество, поскольку именно через нормы права государство управляет членами общества, учитывает их различные правовые статусы, что составляет основу конституционного строя.

Согласно теории государства и права конституционное законодательство закрепляет основы общественного и государственного строя страны, служит юридической базой для деятельности всей системы органов государственной власти, общественных объединений, человека, личности, гражданина. К ним относятся Конституция Российской Федерации и законы Российской Федерации, вносящие в нее дополнения и изменения, федеральные конституционные законы и федеральные законы, конкретизирующие ее содержание [2]. В свое время М.М.Сперанский отмечал, что «если бы государство могло быть одно на свете и составлено было из людей равно мощных или равно справедливых, тогда не было бы никакой нужды в правительстве, тогда каждый наслаждался бы в совершенной независимости личными своими силами, произведением своего труда и степенью своего в обществе уважения» [3]. Потому они актуальны и для науки конституционного права и юридической практики.

В целом, несмотря на многочисленность научных работ по исследуемой тематике, ее разработки фактически остаются фрагментарными, отсутствуют единая и целостная конституционно-правовая концепция и доктрина. Юридическая практика территориального устройства Российской Федерации видится весьма желательным. Во-первых, связана это в первую очередь с национально-управленческими проблемами, во-вторых с недоработкой правовых инструментов. Мы не говорим о дефекте всей правовой системы. По нашему мнению, в законодательном массиве России, на федеральном конституционном уровне, единственным законодательством, основанном на Конституции Российской Федерации, регламентирующим порядок устройства федеративного государства, является Федеральный конституционный закон об образовании в составе Российской Федерации новых субъектов (далее - ФКЗ) [4]. Однако данный ФКЗ далек от идеала. Авторы так и не смогли увязать некоторые его нормы с нормами ст. 11, 65, 72, 73, 76, 77 Конституции Российской Федерации.

Если подойти к термину «государство» в буквальном смысле, то он сам по себе - понятие несложное, характеризуется известными специфическими признаками. Прежде всего, это известная привычная формула властеотношения: подчинение «слабого» «сильному». Отсюда следует, что исходной в анализе государства и связанных с ним отношений является власть. По смыслу теории государства и права государственная власть - это общественное отношение, которое характеризуется способностью и возможностью одного человека и группы людей управлять обществом. На самом деле государством управляет один человек, а окружение проводит его политику. Их целью или вершиной социального развития является политическая власть как верховенство одного лица либо определенной группы людей над всем обществом, характеризуемое использованием в случае неповиновения насильственных принудительных средств, прежде всего закона. Закон в таком случае - подходящий инструмент. Не случайно закон рассматривался классиками марксизма как средство осуществления целей государственной власти, и в этом смысле, отражая природу власти, он может содействовать прогрессивному общественному развитию либо препятствовать ему и тормозит его.

Как известно, государственная власть осуществляется через формирующиеся в ходе общественного развития многообразные политические институты, через механизмы государства, в процессе работы которого «содержание права может быть искажено» [5, с. 418-419] в пользу тех или иных определенных политических сил или правящей партии. По сути своей это дорога к монархии (единоличная президентская власть, классическая унитаризация государства, монополия президентской партии и т.д.). Джон Локк решительно выступал против традиционного отношения к монархии, прямо отвергая ее: «...абсолютная монархия, которую некоторые считают единственной формой правления в мире, на самом деле несовместима с гражданским обществом и, следовательно, не может быть формой гражданского правления» [6, с. 312].

История существования государства свидетельствует о том, что во все века разные государства отличались друг от друга внутренним строением, способом территориального деления (административно-территориальные единицы, автономные политические образования, государственные образования, обладающие суверенитетом), а также степенью централизации государственной власти (централизованные, децентрализованные, организованные по принципу демократического централизма). Все перечисленные выше явления в современной юридической теории принято объединять в один термин – «форма государственного устройства». Так, к примеру, Ш.Монтескье считал, что устройство государства должно обеспечивать политическую свободу граждан, а также справедливость и устойчивость политической системы [7, с. 355].

Форме государственного устройства как элементу формы государства посвящено значительное количество трудов и исследований, написанных как учеными и юристами, так и политологами. В последнее время появилось множество статей по проблемам федерализма, об унитаризме встречается крайне редко, а в сравнительно-правовом дискурсе ни монографии, ни диссертационных работ практически не имеется. Нет и научных статей по данной актуальной проблематике. Ученых и диссертантов, да и просто юристов больше интересуют вопросы о статусе современных федераций, о роли субъектов, их взаимосвязи между собой и с федеральным центром или унитаризма в общеизвестном виде либо о конституционном законодательстве в отдельно взятой стране. Однако и при таком количестве работ нет единого мнения о конституционном законодательстве федеративного государства, о взаимоотношениях субъектов Федерации между собой и с федеральным центром, о его источниках и структуре, а о конституционном законодательстве унитарного государства имеются единичные работы.

Что касается внутреннего содержания формы права как источника, в том числе конституционного законодательства, то оно еще не было предметом конкретного обсуждения и исследования ни в теории, ни на практике. Имеются отдельные логические рассуждения ученых историков, государствоведов и конституционалистов, не увязанные с устройством государства, с практикой в целом. Потому для обоснования наибольшего «веса» нормативных правовых актов предпочтение отдается внешней форме права, по ним определяются иерархическая структура и источники действующего права. В результате конституционные законы, регламентирующие организационно-правовую деятельность того или иного министерства или ведомства, по иерархии и юридико-политической значимости выше, чем нормативные правовые акты, регламентирующие конституционные права и законные интересы человека

и гражданина. То есть, если исходить из имеющихся точек зрения, то влияние формы правления и государственного устройства на источники права не исследовалось, что не могло не отразиться на содержании Конституции, конституционного законодательства, практике применения, иерархических структурах и действующем праве.

Согласно юридической энциклопедии конституционное законодательство закрепляет основы общественного и государственного строя страны, служит юридической базой для деятельности всей системы органов государственной власти и текущего законодательства. К ним относятся Конституция Российской Федерации и законы, вносящие в нее дополнения и изменения, а также законы, конкретизирующие ее содержание [2].

В юридической литературе достаточно плодотворно разрабатывается проблема федеративных отношений и федеративной модели государственности. Это объясняется тем, что в федеративных государствах имеются субъекты, обладающие большей или меньшей самостоятельностью, в какой-то степени суверенными правами, в силу чего между федеральными органами и субъектами федерации возникают различного характера федеративные отношения. Во-вторых, роль и значение федерализма в современном мире неуклонно возрастает, опыт мирового федеративного строительства свидетельствует, что федеративное устройство государства, основанное на подлинно демократических началах, позволяет эффективно решать назревшие экономические, социальные, национальные, политические проблемы, приближает государственную структуру к человеку, дает возможность полнее реализовать его права и свободы [8]. Что касается отношений в унитарном государстве, то учеными-юристами они разработаны крайне скудно.

В данном случае вопрос о двухуровневом строении конституционного законодательства в зависимости от федеративного строения государства уже не вызывает споров и не требует его отдельного рассмотрения. Несмотря на это, активное обсуждение вопроса единства законодательства Российской Федерации, порядка применения статьи 76 Конституции Российской Федерации и суверенитета субъектов Российской Федерации не уменьшилось. «Вечный вопрос» по-прежнему сохраняет свою актуальность. На первый план, как известно, выходят прежде всего проблемы определения пределов полномочий (статья 73 Конституции РФ) и приоритета нормативного правового акта субъекта Российской Федерации, изданного по вопросам его собственного правового регулирования (ч. 4 и 6 ст. 76 Конституции РФ), а также самостоятельного установления субъектом Российской Федерации своей системы органов государственной власти (ч. 1 ст. 77 Конституции РФ), в то же время определения предмета данной отрасли регионального права, формирования внутренней системы отрасли, вопросы эффективности законодательного регулирования в этой сфере, проблемы взаимосвязи регионального и федерального законодательства. Однако в любом случае все эти вопросы объединяет, являясь сквозным, вопрос об обеспечении единого правового пространства Российской Федерации.

По данным юридической литературы, один из сложных вопросов двухуровневого строения конституционного законодательства Российской Федерации - определение в нем отраслей и институтов, что проблематично также и для внутреннего законодательства субъектов в целом. По мнению Ю.А.Тихомирова, в законодательном массиве регионов пока трудно четко выявить отрасль и институты законодательства. Далек не всегда законы республик, областей и других субъектов Российской Федерации четко вписываются в традиционную систему отраслей законода-

тельства. Нередко разрываются уровни в пределах отдельной отрасли, когда федеральные органы плохо учитывают объем законодательной компетенции субъектов Федерации, когда в региональных законах допускаются многочисленные нарушения федеральных законов [9].

Также достаточно интенсивно обсуждаются вопросы, связанные с отраслевым структурированием законодательства субъектов Федерации, в частности с формированием в них конституционного законодательства. Нередки попытки выделения и анализа конституционного (уставного) права субъектов Федерации [10, с. 211]. Следовательно, вопрос о конституционном законодательстве субъекта Федерации необходимо рассматривать с позиции предмета данной отрасли законодательства. Это позволит в некоторой степени отграничить конституционное законодательство субъектов Российской Федерации от федерального конституционного законодательства и в значительной степени обособить данное нормативное образование по отношению к другим отраслям законодательства субъектов Федерации. Проще говоря, вопрос о предмете конституционного (уставного) законодательства субъектов Российской Федерации тесно связан с распределением предметов ведения между Федерацией и ее субъектами. Это, в свою очередь, означает, что предмет конституционного (уставного) законодательства субъектов Российской Федерации носит усеченный характер по сравнению с федеральным конституционным законодательством. Определенные проблемы порождает и отсутствие единого и четкого мнения о предмете самого конституционного права, а если развивать этот вопрос и далее, то, в конечном итоге все это перетекает в бесконечную дискуссию о критериях выделения той или иной отрасли права и элементах системы права в целом.

О.Е.Кутафин пишет, что «предмет конституционного права не может быть раз и навсегда данным. Он зависит от содержания конституции или других основополагающих документов, действующих в государстве на данном этапе его развития» [11, с. 23-26]. Таким же образом решается вопрос о предмете конституционного законодательства. Иное видение этого вопроса противоречило бы представлению о праве и законодательстве как о взаимосвязанных элементах одного и того же.

Здесь представляет интерес позиция Ю.А.Тихомирова по поводу системы конституционного законодательства, так как в структуре конституционного законодательства им выделяется в общей сложности девять подотраслей [9, с. 28-30]. Указанная структура охватывает как акты федерального уровня, так и акты субъектов Российской Федерации. Однако в силу закрепленных в ст. 71 и 72 Конституции Российской Федерации положений о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации конституционное (уставное) законодательство субъектов Российской Федерации, взятое в качестве самостоятельного объекта научного исследования, по мнению исследователей, имеет иной, более усеченный структурный срез.

В российской юридической науке утвердилось представление о структурной обособленности конституционного (уставного) законодательства в рамках конституционного законодательства России, хотя особо и не акцентируется внимание на институциональных характеристиках конституционного (уставного) законодательства субъекта [12, с. 56]. Исходя из этого, многие ученые (С.А. Авакьян, В.В.Гошуляк, Т.Н. Рахманина и др.) определяют лишь наиболее общие группы отношений, являющихся либо могущих стать предметом конституционно-правового регулирования в субъектах Российской Федерации.

Сказанное говорит о том, что предмет конституционного законодательства субъекта Российской Федерации индивидуален для каждого субъекта в силу индивидуальности самого субъекта Федерации. В настоящее время невозможно выделить четкие общественные отношения, которые составляли бы единый для всех субъектов Федерации предмет конституционно-правового регулирования. Существование большого числа факторов (географических, экономических, политических, национальных, кадровых и т.д.), порождающих определенную самобытность субъектов Федерации, определяет разнообразие конституционно - правового предмета. Вместе с тем также очевидно, что вполне возможно выделение определенного абстрактного круга общественных отношений, которые составляют основу предмета конституционного законодательства субъектов Федерации и которые могли бы быть общими для всех субъектов Федерации. Указанный предмет является частью предмета конституционного права Российской Федерации и определяется с учетом требований ст. 71, 72, 73 Конституции Российской Федерации. В данном случае единство предмета конституционного права Российской Федерации не может оспариваться. Не может оспариваться и тот факт, что предмет конституционного законодательства субъекта Федерации является частью предмета конституционного права Российской Федерации.

В этом свете несколько слов надо сказать и о концепции конституционного (уставного) права субъектов Российской Федерации. Данный вопрос для российской науки является дискуссионным. Так же, как и в вопросе о региональном праве, несмотря на не- многочисленность научных работ по этому вопросу, мнения варьируются от полного отрицания самой возможности существования конституционного (уставного) права субъектов Федерации до полного признания (С.А. Авакьян, Н.А. Богданова и др.) и научного обособления существования конституционного права субъектов Федерации (О.Е. Кутафин, М.Г.Потапов и др.). К примеру, О.Е.Кутафин, рассматривая конституционно-правовой статус республик в составе Российской Федерации, пишет, что «конституционно-правовой статус республики в составе РФ характеризуется тем, что каждая республика имеет свою конституционно-правовую систему, которая включает в себя конституцию республики, республиканские законы и другие нормативные правовые акты, изданные в пределах ее компетенции, договоры и соглашения республики с РФ, с другими субъектами Федерации, а также с зарубежными странами, акты о делегировании полномочий... Являясь относительно самостоятельной, республиканская конституционно-правовая система входит в федеральную конституционно-правовую систему в качестве ее составной части» [11, с. 343].

В этой связи А.Н. Лебедев высказал свое мнение следующим образом: «В субъектах Федерации сформированы относительно самостоятельные отрасли права, в том числе конституционное право субъекта» [13, с. 92]. По мнению Т.Н. Карасёвой, правовой статус субъектов РФ в их конституциях и уставах закреплён в рамках (границах), определенных федеральной Конституцией. Такое определение правового статуса субъектов Федерации в их учредительных актах носит производный от федеральной Конституции характер. Факторами, влияющими на определение правового статуса субъекта РФ, являются закрепленные в Конституции РФ принципы российского федерализма, конституционные нормы, касающиеся субъектов РФ, децентрализованный, конституционный, асимметричный характер российского федерализма. Пределами самостоятельности субъектов РФ в определении правового стату-

са являются закрепленные в Конституции РФ слагаемые правового статуса РФ и правового статуса субъектов РФ в зависимости от их видов [14]. Несколько иначе подходит к этому вопросу В.В.Толстошеев, который рассматривает в целом «региональное право в качестве самостоятельной отрасли в системе российского права» [15, с. 9; 19-20]. С нашей точки зрения, вряд ли на современном этапе следует относить конституционное (уставное) право субъекта Федерации к самостоятельной отрасли права. Для этого нет никаких особых оснований.

Нормы федерального уровня устанавливают принципы, на основе которых формируется статус абстрактного субъекта Федерации в виде правовой схемы или модели. Нормы конституционного (уставного) права конкретного субъекта Федерации выполняют указанную схему реальным содержанием в виде наименования субъекта, статуса субъекта (республика, край, область и т.д.), структуры государственной власти (в т.ч. наименование данных органов власти), обязанностей органов государственной власти субъекта по обеспечению, защите и реализации прав человека на территории данного субъекта, разграничения предметов ведения и полномочий между федеральным центром и субъектом и т.д. Этим прежде всего объясняется предлагаемое автором определение регионального законодательства.

Таким образом, по нашему мнению, региональное законодательство - это совокупность нормативных правовых актов субъекта Российской Федерации, регламентирующих правовую деятельность конкретного субъекта Федерации на территории Федерации с учетом верховенства федеральной Конституции, федеральных конституционных законов и федеральных законов по предметам ведения Федерации и по предметам ведения Федерации в рамках совместного ведения Федерации и субъектов Федерации на всей территории Российской Федерации.

Библиографический список

1. См.: Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (в ред. от 5 февраля 2014 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 1. – Ст. 1; Федеральный конституционный закон от 17 декабря 1997 г. № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» (в ред. от 28 декабря 2016 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 51. – Ст. 5712.

2. См.: Комментарий к Конституции Российской Федерации / С.А. Комаров [и др.]; под ред. С.А. Комарова. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство "Юрайт", 2018. – 334 с. (Серия: Профессиональные комментарии).

3. Сперанский М.М. О коренных законах государства. – // http://dugward.ru/library/speranskiy_m/speranskiy_o_korenyh_zakonah.html Федеральный конституционный закон от 17 декабря 2001 г. № 6-ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» (в ред. от 31 октября 2005 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (1 ч.). – Ст. 4916.

5. Цит. по: Нерсисянц В.С. История политических и правовых учений: учебник для вузов. 3-е изд. – М.: Изд-во Норма, 2002. – 727 с.

6. Локк Дж. Сочинения в 3 т. – М.: Изд-во «Мысль», 1988. – Т. 3. – 668 с.

7. Монтескье Ш. Избранные произведения. – М., 1955. – 800 с.

8. Цит. по: Федерализм: российское и швейцарское измерения / материалы конференции под ред. Томаса Фляйнера и Рафаэля Хакимова (Казань, 22-23 июня 2001 г.). – М., 2001. – 224 с.

Теория государства и права

---

9. Конституционное законодательство России / под ред. Ю.А. Тихомирова. – М.: Городец: Формула права, 1999. – 382 с.
10. Конституционное право субъектов Российской Федерации / отв. ред. В.А. Кряжкова. – М.: Городец, 2002. – 864 с.
11. Кутафин О.Е. Предмет конституционного права. – М.: Юристъ, 2001. – 444 с.
12. Конституционное законодательство субъектов Российской Федерации: проблемы совершенствования и использования в преподавании: материалы научной конференции, 25-27 марта 1999 г. / под ред. С.А. Авакьяна. – М.: МГУ, 1999. – 296 с.
13. Лебедев А.Н. Статус субъекта Российской Федерации: основы концепции, конституционная модель, практика. – М.: ИГиП РАН, 1999. – 197 с.
14. Карасёва Т.Н. Пределы соответствия конституций и уставов субъектов Российской Федерации Конституции Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Карасева Татьяна Николаевна. – Пенза, 2013. – 192 с.
15. Толстошеев В.В. Региональное экономическое право России: учебно-практ. пособие. – М.: БЕК, 1999. – 379 с.

Е.С.Ч.Ковальский*

В.С.Комаров**

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕИ «ПРАВА ЧЕЛОВЕКА»

Аннотация. В статье раскрывается динамика становления и последующего развития идеи «права человека», ее междисциплинарный характер, особенности континентальной и англосакской концепции прав человека.

Ключевые слова: права человека, Устав ООН, концепция, государство, личность, гражданин, гарантии прав и свобод личности.

HISTORICAL EVOLUTION OF THE IDEA OF «HUMAN RIGHTS»

Annotation. The article reveals the dynamics of the formation and subsequent development of the idea of "human rights", its interdisciplinary nature, features of continental and Anglo-Saxon concept of human rights.

Key words: human rights, the UN Charter, the concept of the state, the person, the citizen, the rights and freedoms of the individual.

Права человека являются самой актуальной политической идеей современности и отражает права человека в субъективном выражении как «право на что-то» или «право на охрану перед чем-то». Проблематика прав личности и гражданских свобод в первой четверти XXI столетия приобретает все большую актуальность и составляет одну из центральных проблем в юридических сообществах различных стран. Охрана прав человека стала лозунгом разнородных человеческих коллективов, общественных, этнических, религиозных групп, выступает основанием действия различных государственных и общественных, национальных и международных организаций, массы индивидуальных защитников прав человека на всех континентах.

Идеология прав человека присутствует почти во всех сферах государственной и общественной жизни современности. Эта категория, по которой оценивают реальную действительность, формулируют собственные потребности и выражают конкретные стремления. Эта идея универсальна, она объединяет разные культуры и цивилизации. Права человека изучаются представителями разных областей гуманитарных наук: политологами, философами, социологами, историками, теологами, и конечно, учеными-юристами.

Тематика прав личности, имеющая междисциплинарный характер, присутствует во всех юридических науках. Уже несколько десятков лет она занимает большое место в международном публичном и частном праве. Как категория фундаментальных прав, записанных в основных законах является предметом исследования в кон-

---

* **Ковальский Ежи Сергей Чеславович** – директор Школы российского права Университета Лазарского (Варшава, Республика Польша), доктор PhD, кандидат юридических наук, профессор.

Kowalski Jerzy Sergei Cheslavovovich – Director of the School of the Russian law of University in Warsaw (Warsaw, Poland), Dr. PhD, candidate of legal Sciences, Professor.

** **Комаров Владимир Сергеевич**, доцент кафедры гражданского права и процесса Юридического института (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук. E-mail: wladskom@mail.ru

Komarov, Vladimir S., associate Professor of civil law and process Law Institute (St.-Petersburg), candidate of legal Sciences.

ституционном праве, а в сфере взаимоотношений между государственными властями и гражданином находится в рамках административного права.

Вопросами охраны так называемых субъективных прав личности, в традиционном понимании этого термина, занимается цивилистика. Область уголовно-правовой охраны прав гражданина находится в сфере науки уголовного права. Важные вопросы процессуальной охраны, сегодня формулированное как право на справедливое правосудие и добросовестный процесс, входят в область процессуального права.

Идеологические основания охраны прав человека, исследование истории права и политико-юридических доктрин, размышлениями об исторических корнях прав человека как идеи вырастающей из традиции и опытов многовековой борьбы о субъективности личности в кругу европейской цивилизации есть предмет анализа теории и философии права.

Особую актуальность идея охраны прав человека приобрела после II Мировой войны, хотя уже в ходе ее проведения, когда совершались преступления против человечества, родилась мысль, чтобы в послевоенном мире, свободном от гитлеровской тирании «все люди во всех странах, как провозглашает Атлантическая Хартия, могли бы жить всю свою жизнь, не зная ни страха, ни нужды» [1].

Среди основных целей Организации Объединённых Наций созданной в 1945 г. в Сан-Франциско, закреплялась идея осуществления международного сотрудничества в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера и в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии» [2]. В эти годы встала задача подготовить документ о характере международной кодификации прав человека. Разработанная Всеобщая Декларация прав человека 1948 года, ежегодно торжественно празднуемая международным сообществом, была исключительно идейным манифестом, своего рода катехизисом прав сформулированных мучительным опытом прошлых лет, документом-договором имеющим исключительно моральное содержание, и в меньшей степени юридическое.

Декларация имела, однако огромное значение для распространения знания об основных ценностях человеческого существования, а борьбу об их осуществлении поднимала в ранг главной цели деятельности всего международного общества. Её авторы старались примирить разные цивилизаторские традиции, но исходили из перспектив европейской культуры, или более широко – западной, которая укоренилась более двухсот лет тому назад в Соединённых Штатах Америки, навязывалась как по форме, как и по содержанию европейскому Просвещению.

На букву и дух Декларации будут ссылаться международные документы, имеющие нормативный характер, которые в последующем были ратифицированы подписавшими их государствами. Главным образом это Европейская конвенция об охране прав человека и основных свобод, так называемая Римская Конвенция, подписанная в 1950 году государствами-членами Совета Европы (Польша это сделала в 1993 г.) [3]. С.А. Комаров верно отмечает, что к настоящему времени, безусловно, многое в мире изменилось. Однако Конвенция продолжает осуществлять реальную и эффективную защиту прав человека, многие ее статьи, посвященные конкретным правам человека, остались **неизменными** в связи с их лаконичным текстом [4].

Принятые ООН в 1966 года международные пакты о правах человека и гражданина также явились следствием по сути компромисса между разными идеями, поли-

тическими системами, культурными и юридическими традициями, составляя своеобразный синтез идей гуманизма наших времён. В этих нормах в решающей мере отразилось историческое достижение цивилизации Запада, хотя есть отсылка к декларации прав европейского Просвещения или американского Билля о правах (Bill of Rights).

Историческая проблематика лежит в основе современных концепций прав человека и их законного выражения в виде записанных в сегодняшних конституциях основных прав и гражданских свободах. В юридической литературе историческое размышление над этим вопросом не ограничивается, как правило, анализом непосредственных доктринальных источников и юридических положений. Современная теоретическая мысль лежит в плоскости не только материальной, но и духовной сферы в разные времена, отражая интеллектуальный климат современной цивилизационной эпохи в основе которой лежит интеллектуальное развитие человека. Вместе с победой идеалов либерализма и индивидуализма, охрана свободы и достоинства человеческого существа была возведена в ранг законодательно гарантированных государством прав и гражданских свобод.

Для историка несомненно, происхождение прав человека следует рассматривать в самой широкой перспективе, как историю государственных и правовых учреждений и идейных течений нашей правовой культуры. Надо видеть человека и его место в обществе в свете исторической фундаментальной автономии между личностью и коллективностью, между индивидуальным делом и добром, отождествляемым с делом государства. Права личности составляют важный фрагмент того извечного, сопровождающего веками человечество - от древности до современности - конфликта между индивидуализмом и коллективизмом, между „правом” и „силой права”.

Со времен образования человеческого общества государство в нашем цивилизационном мышлении показывает, что идея права имела в течение ряда веков разное понимание, выступало в разном виде, но через дорогу полную «ухабов и брешей» вело очевидно к «модельному идеальному» состоянию. От полного поглощения личности через очередные повороты истории, взлёты и падения шел поиск равновесия между сферой индивидуальной свободы и сферой действия публичной власти, к триумфу просвещенного индивидуализма и либерального видения ограничения роли государства, выполняющего функцию «ночного сторожа».

Был однако относительно короткий эпизод истории во второй половине XIX века, когда наступает поворот от либерального видения государства к социальному государству, а затем даже заботливому, активно организующему общественную жизнь, как компромисс между единоличным и коллективным интересом. Но и этот компромисс был трудным для удержания. После Второй мировой войны рождается на нашем континенте строй тоталитарный, провозглашающий лозунг: «государство - все, личность - ничто». Эта идея отрицала не только элементарные права человека, но и привела к гибели миллионов человеческих жизней. Учитывая это трагический опыт формируется, по крайней мере в масштабе современной Европы, идеология восстановления уважения к правам человека, определяющих позицию личности в коллективности, создающая основы равновесия между индивидуальным делом и публичным добром.

Когда анализируется сегодняшний каталог основных прав человека с исторических позиций, доказать можно, что каждая позиция из этого каталога уходит кор-

нями в глубокое прошлое, когда она еще не возникла в умах законодателей, но как всякая юридическая норма стала результатом опыта прошедших эпох. Правда в каждом историческом процессе изменяющее собой случаи оказывали влияние на характер личных прав и сферу их юридической охраны, но среди тех факторов изменчивости можно увидеть необходимость исторического подхода к юриспруденции с точки зрения непрерывности процесса. Это позволяет найти исток современного понимания прав человека, понятых как охрана неких ценностей человеческого существа, уже на заре истории общества и государства до нашей современности.

На протяжении веков мы заметим процесс расширения сферы добра, подлежащего государственной охране: от элементарных прав до высших ценностей, например, ценности жизни человека. Расширяются те права, которые приобретают юридическую субъективность, до утверждения принципа всеобщности прав в эпоху конституционализма.

Проблематика генезиса и судеб исторических категорий, понятий, которые мы используем, не вдаваясь в более сложный анализ их терминологической природы, свидетельствует, что «права человека» могут рассматриваться в разных исследовательских пространствах. Мы считаем, что сначала нужно изучить идеологические источники этого понятия, учитывая большое доктринальное сопровождение разными течениями философии природы человека. Начиная с древней Греции, перенесённая стойками в римскую юриспруденцию, затем в период средневековья оплодотворяющая христианскую мысль, стала во времена Просвещения идеологическим фундаментом современной концепции прав человека как врождённой каждой личности особенности её природы, выводимых мысленно из универсальных правил естественного порядка всех вещей.

В силу этого необходим углубленный анализ формирования идеи прав человека в современной Европе с позиции так называемой *континентальной* модели, определяющей права человека как натуральные атрибуты человеческого существа, а в силу этого не получаемых и от кого-либо и не передающихся кому-либо, в отличие от так называемой *англосакской* модели, опирающейся на средневековое видение прав как привилегий полученных от монарха.

Далее все более актуализируется задача исследования оснований возникновения и содержания первых деклараций прав человека времён Просвещения и их дальнейшей судьбы в XIX веке в условиях конституционализма. Вместе с победой юридического позитивизма над идеологией естественных прав человека была потеряна природность прав человека, они стали частью правопорядка, временами переходя в ранг конституционно гарантированных прав и гражданских свобод. Идея естественности прав человека возрождается после обеих мировых войн. Она стала весомым аргументом для тех, кто стал выводить права человека из более чем законных источников, придавая им ранг прав универсальных, ставших, как хотели творцы Всеобщей Декларации 1948 года – «общим стандартом для достижения через все народы и все народы».

В настоящее время актуальной является задача разработки новой Хартии прав человека для XXI века, которая должна объединить все существующие международные договоры ООН в данной области, уточнить и конкретизировать международные нормы, отражающие идею прав человека в цивилизационном выражении, содержать новые формы и принципы, сложившиеся за последние годы в человеческом сообществе. Наряду с учреждением Международного уголовного суда принятие такой Хар-

тии создаст более эффективные условия для международной защиты прав человека и пресечения не только отдельных, но и массовых и грубых нарушений. Следует более детально прописать механизм обеспечения прав и свобод человека в условиях однополярного мирового сообщества [5].

В заключение следует подчеркнуть, что идея прав человека, прав личности, прав гражданина есть результат исторического прошлого, получившая нормативную охрану со стороны и общества, и государства как прав добра и справедливости, принадлежащих личности, как человеческому существу. Это результат многовековой борьбы человека – через взлёты и падения, надежды и сомнения, успехи и поражения – за уважение основных для него ценностей: свободы в физическом размере, а значит широко понятной свободы и личной неприкосновенности и свободы в духовном размере – особенно свободы совести и религиозных убеждений.

Библиографический список

1. См.: Историческая энциклопедия. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1973-1982.

2. См.: Устав Организации Объединенных Наций (принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XII. – М., 1956. – С. 14-47.

3. См.: Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) (вместе с «Протоколом [№ 1]» (Подписан в г. Париже 20.03.1952), «Протоколом N 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), «Протоколом N 7» (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // www.consultant.ru

4. См.: Комаров С.А. Суверенитет государства и имплементация Европейской конвенции и решений ЕСПЧ // <http://www.ksrf.ru/ru/Info/Conferences/Pages/Conference2015.aspx>.

5. Права человека и правовая инфильтрация идей Европейского суда по правам человека в правовую систему Российской Федерации: монография // Под ред. С.А. Комарова. – СПб.: Издательство Юридического института, 2014. – С. 44-45.

С.А.Комаров*,
Ф.Х.Галиев**

СОЦИОНОРМАТИВНАЯ ОСНОВА ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

Аннотация: Правовое государство, если его рассматривать с точки зрения типологической характеристики, представляет собой специфический результат государственно-правового развития общества. При этом в процессе становления правового государства большую роль играет правовая культура общества. В свою очередь, правовая культура тесно связана и обусловлена всей соционормативной системой регулирования общественных отношений, сформировавшейся и функционирующей в данном обществе.

Ключевые слова: правовое государство, правовая культура, соционормативное регулирование, общественные отношения, политическая система общества.

THE SOCIAL FRAMEWORK OF THE LEGAL STATE

Abstract: A legal state, if viewed from the point of view of a typological characteristic, is a specific result of the state-legal development of society. At the same time, in the process of formation of the rule of law, a significant role is played by the legal culture of society. In turn, the legal culture is closely linked and conditioned by the entire socionormative system of regulation of social relations, formed and functioning in a given society.

Keywords: rule of law, legal culture, socionormative regulation, social relations, political system of society.

Одной из многих закономерностей процесса государственно-правового развития общества является то, что этот процесс сопровождается формированием и функционированием соответствующей правовой культуры, которая впоследствии служит своеобразной точкой отсчета и одновременно толчком для дальнейшего развития данного общества. Эта закономерность присуща и для того общества, в котором развивается процесс становления и совершенствования правового государства, потому что становление правового государства и формирование правовой культуры взаи-

---

* **Комаров Сергей Александрович**, доктор юридических наук, профессор, Президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, научный руководитель Юридического института (Санкт-Петербург), заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Института управления крупными городами, бизнеса и права Международного университета г. Москва. E-mail: svkomarov@ya.ru

Komarov Sergey Alexandrovich, doctor of law, Professor, President of the Inter-regional Association of theorists of state and law, scientific Director of the Law Institute (St. Petersburg), head of the Department of theory and history of state and law of the Law faculty of the Institute of large cities, business and law of the Moscow International University. E-mail: svkomarov@ya.ru

** **Галиев Фарит Хатипович**, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права Института права ФГБОУ «Башкирский государственный университет». E-mail: galievfarkhat@mail.ru

Galiev Farit Khatipovich, doctor of law, associate Professor, Professor, Department of state theory and law, Institute of law, Bashkir state University.

мообусловлены и взаимосвязаны. При всем этом готового рецепта для формирования правовой культуры правового государства, как и рецепта для построения самого правового государства, нет и быть не может. Это объясняется тем, что и государство, и правовая культура во всех своих проявлениях - политическом, социальном, духовном, материальном – являются своеобразным результатом развития общества. Если государство мы воспринимаем как организацию политической власти, то правовая культура - это способ организации порядка, основанный на нормах и принципах права, которые обеспечивают оптимальный режим осуществления государственной власти, поддерживаемый всей соционормативной системой, функционирующей в данном обществе.

В правовой культуре как способе организации порядка отражаются как особенности складывания взаимоотношений между людьми, так и специфика всей политической системы общества, включая взаимоотношения государства и личности [4, 6]. «В литературе довольно часто проводится мысль о том, что все социальные процессы подлежат управляющему воздействию, - писал Д.А. Керимов. - Между тем в обществе имеются и такие процессы, которые успешно протекают на основе саморегуляции и менее всего нуждаются во вмешательстве механизма государственного управления (например, отношения коллективности, взаимопомощи, сотрудничества, дружбы и т.д.). Это хорошо понимают юристы, постоянно сталкивающиеся с вопросом о целесообразности правового регулирования тех общественных отношений, которые и без него нормально развиваются. Правовое же воздействие на такие отношения может вредно отразиться на их развитии. И тем не менее такого рода процессы должны быть в поле зрения государственного управления, поскольку нередко весьма существенно (иногда подспудно) влияют на те отношения, которые подлежат государственно-правовому регулированию» [5, с. 512]. «Социальная природа человека, как известно, детерминирована всей совокупностью общественных отношений, - подчеркивал Д.А. Керимов. - Поэтому все социальные факторы воздействуют на формирование и развитие человеческой личности не изолированно друг от друга, а в органической единой, системной целостности. Отсюда следует, что, в частности, правовой механизм регулирования поведения людей может быть вычленен и для специального анализа лишь при предварительном изучении всех тех регулятивных факторов, влияний, воздействий, которые имеют место в реальной жизни каждой личности. Уместно в этой связи напомнить, что экономика, как известно, ничего не создает заново, но она определяет видоизменения и дальнейшее развитие имеющегося мыслительного материала. Но даже и это она делает по большей части лишь косвенным образом, между тем как важнейшее прямое действие на человека оказывают политические, юридические, моральные отношения. Если мы не хотим упрощать, схематизировать, омертвлять живое воздействие различных факторов реальной жизни, влияющих на поведение человека, то должны тщательно исследовать все формы этого воздействия в их взаимодействии и лишь с учетом полученных результатов переходить к анализу того именно компонента всеобщей связи, который нас непосредственно интересует. Без этого мы можем оказаться в нелепом положении, в котором нередко оказываются исследователи, которые, изучив лишь юридический механизм действия правовой нормы, приписывают ей такую огромную силу, которой она, конечно же, не обладает» [5, с. 513-514].

Наиболее приемлемым в теоретическом и практическом плане определением понятия «право» могло быть определение Н.И. Матузова и А.В. Малько, согласно ко-

тому право понимается как система общеобязательных, формально определенных норм, обеспечиваемых государством и направленных на регулирование поведения людей в соответствии с принятыми в данном обществе устоями социально-экономической, политической и духовной жизни [9, с. 331-332]. Это понятие М.Н.Марченко использует в учебно-методическом пособии, подготовленном вместе с Е.Н. Дерябиной [10, с. 289].

На наш взгляд, выделенные Н.И. Матузовым и А.В.Малько и отмеченные М.Н. Марченко, «принятые в данном обществе устои социально-экономической, политической и духовной жизни», и представляют собой то окружение, в котором функционирует право. Таким образом, правовая культура - это сложившаяся на данный момент государственно-правового развития общества способность людей решать свои проблемы на основе требований действующего законодательства и современных социальных норм.

Г.В. Мальцев писал, что «в истории любого общества право слишком часто становилось препятствием для саморазвития социальных процессов, которое в юридическом сознании, как правило, отождествляется с беспорядком и неорганизованностью. Между тем саморазвитие означает не что иное, как активное действие внутренних сил, вовлеченных в данный процесс, их самоорганизацию и постоянное реформирование на базе собственных закономерностей данного процесса, имманентных ему норм, сокрытых в нем собственного смысла и истины. Всякое не искаженное, не деформированное извне общественное отношение, так же как любая успешно действующая социальная структура, обретает устойчивость, равновесие, принимает нормальный облик на основе той нормы (или совокупности норм), которую она сама для себя объективно вырабатывает всем ходом своего развития. Проблема отношения права (юридической нормы) к этой имманентной норме саморазвивающегося, саморегулирующегося, самоорганизующегося процесса, которая до сих пор, по-видимому, мало беспокоила юридическую науку, становится теперь для нее одной из главных и жизненно важных. От ее теоретического решения и соответствующих практических выводов зависит, какое место займет право в самоуправляющемся обществе, как совместится оно с социальными ценностями, порождаемыми новой, информативной стадией научно-технической революции» [8, с. 371-372].

Таким образом, становится совершенно очевидным, что процесс правового регулирования предполагает, во-первых, наличие самого регулятора общественных отношений в виде норм и принципов права, нормативных правовых актов и т.д., во-вторых, знание людьми этих требований норм права и содержания нормативных правовых актов, в-третьих, соответствие требований действующего законодательства установкам соционормативной системы общества, которая функционирует и в правовом государстве.

Правовое государство как понятие не является копией какого-то конкретного государства, утверждает Ф.М. Раянов. Оно как общечеловеческое понятие в большей мере является критерием для оценки конкретных государств. В то же время, пишет он, правовое государство есть результат всестороннего осмысления практики организации и деятельности многих реальных государств, особенно тех, которые уже встали на путь строительства правового государства. Поэтому представления о правовом государстве одновременно являются и общечеловеческими, и конкретно-государственными. Не зная об общечеловеческих представлениях о правовом государстве, невозможно и оценить конкретное государство с точки зрения соответст-

вия его параметрам правового государства. Следовательно, делает вывод Ф.М. Раянов, в процессе исследования проблем формирования конкретно-реального правового государства всегда нужно иметь в виду такое понимание и восприятие идеи правового государства, которая основывается на общечеловеческих ценностях, представлениях о правах человека, законности, правопорядке, о легитимной власти и т.д. [12, с. 49-50]. Адекватное современному уровню государственно-правового развития общества понимание и восприятие ценностей правового государства, на наш взгляд, формируется под воздействием соционормативной системы общества и отражается в общественном правосознании. В свою очередь, правосознание является той инстанцией, где формируемое или действующее право оценивается критически, в том числе с позиции разумности, оптимальности соотношения с нравственностью. Ф.М.Раянов пишет о том, что «какое бы позитивное значение не имело право, оно все же представляет собой институт, учрежденный обществом. Следовательно, до права было что-то неправовое, метаправовое. Это – сама жизнь общества с ее сложными нравственными основами, обычаями, традициями, культурой и сложившимся укладом. Право не только не может не учитывать все жизненное, но даже при желании кого-то не может круто изменить, повернуть общественную жизнь. Поэтому на право нужно возлагать только такие надежды, которые оно объективно может оправдать» [16, с. 158].

Социальная практика говорит о том, что человек, ничего не желающий делать, ищет причины, чтобы доказать невозможность достижения необходимой цели или же выполнения стоящей перед ним задачи. Но тот, кто хочет добиться желаемого, ищет пути и способы его осуществления. Правосознание формируется и реализуется под влиянием не только правовой нормы, на которой оно базируется, но и всего комплекса функционирующих в обществе регуляторов общественных отношений, обеспечивающих синкретизм правовой культуры [2]. В отношении правовой культуры формируемого в нашей стране правового государства эта особенность особо примечательна. Правовая культура становящегося правового государства вбирает в себя все нюансы огромной совокупности функционирующих в его сложном общественном организме социальных норм. Они отличаются от правовой нормы, лежащей в основе правовой культуры любого общества или государства, только тем, что правовая норма обеспечивается силой государственного принуждения. Во всем остальном эти социальные нормы сходятся к одному – они являются, как и в глубоком прошлом, так и сегодня, регуляторами общественных отношений. Поэтому правовая культура правового государства в своей основе синкретична: она вбирает в себя многие особенности тех социальных норм, которые функционируют в современном обществе, опирается на их совокупность и в таком составе обеспечивает соответствующий уровень развития общества и его современных потребностей правопорядок. Этим и обуславливается то, что правовая культура современного российского общества развивается в зависимости от общественно-политических и социально-экономических особенностей страны, тесно связана и зависит от функционирующих в обществе всех соционормативных регуляторов.

По мнению Ф.М.Раянова, для многих наших сограждан до сих пор остаются вне восприятия такие понятия и категории, как «правовое государство», «демократия», «права человека», «гражданское общество», «свобода личности», «законность», «разделение властей» и др., или они понимаются весьма своеобразно, не так, как зафиксировано в международных документах и в нашей Конституции [14]. Тем не менее

Конституция – это документ, гарантирующий достигнутое, имеющееся, реальное, возможное, доступное уже сегодня. Если бы даже это было декларацией намерений на будущее, знание этих понятий является обязательным для всех. Без освоения широкими слоями населения идеи, очертаний, признаков, принципов, всей философии правового государства, без осознания стратегии и тактики его формирования и становления, невозможна реализация такого типа государства. При этом слово «государство» прежде всего ассоциируется со словом «власть», понятие «государство» немыслимо без упоминания о власти. Ссылаясь на отечественную и зарубежную литературу по теории государства и права, Ф.М. Раянов пишет, что «проблемы гражданского общества и правового государства сегодня являются самыми прорывными, способными привести общественно-политическую систему Российской Федерации в соответствие с прогрессивными мировыми стандартами» [13, с. 11].

В одной из своих работ, в которых рассматриваются особенности правового развития нашего государства, С.С. Алексеев отмечал, что методом проб и трагических ошибок, но не в меньшей мере и духовными свершениями великих гуманистов человеческая цивилизация все-таки вышла на то решающее, что способно обуздать, загнать в угол Демона власти. Это – правовое государство. Сейчас в нашей стране провозглашена только общая формула и сделаны первые шаги по наполнению ее реальным содержанием. Тем не менее утверждение в жизни действительного правового государства – явление настолько значительное и кардинальное, что оно после многолетия тоталитарного режима представляет собой лишь результат и выражение самой глубокой ломки и преобразования всего комплекса сложившихся общественных отношений, охватывающих основные сферы жизни общества, чем все те, что совершались или даже намечались в нашей стране в прежние годы [1].

Безусловно, становление правового государства представляет собой длительный процесс, в ходе которого создаются соответствующие предпосылки и условия. Рассматривая вопрос о путях формирования правового государства в нашем обществе, Ф.М.Раянов пишет, что «в первую очередь необходимо, чтобы сама действующая на сегодня государственная власть Российской Федерации пришла к мысли о необходимости существенных преобразований в государственно-правовой сфере. Другими словами, в первую очередь необходима соответствующая политическая воля, исходящая от всех ветвей действующей власти. ... Далее необходимо, чтобы и в России заработал принцип разделения власти на три ветви. ... Следующий шаг, по нашему мнению, связан с совершенствованием всей избирательной системы [1, с. 16-17]. Одновременно со всем этим в условиях проведения экономической и политической реформ в современной России формирование Российского правового государства требует создания соответствующей концепции. Конституционное закрепление идеи правового государства в Конституции Российской Федерации следует рассматривать как потребность не только осознания особенностей функционирования российского государственно-организованного общества, но и анализа взаимодействия личности и субъектов политической системы с точки зрения оптимизации их взаимоотношений, обеспечения правовой защищенности, равенства всех перед законом, а также усиления взаимной ответственности [7, с. 25].

Таким образом, правовое государство формируется на основе той правовой культуры, которая способствует реализации этих моментов в общественно-политической жизни государства. На наш взгляд, формирование и функционирование правового государства представляет собой сложный процесс становления не

только единого правового поля, главная регулятивная система в котором основана на норме права и требованиях законодательства, но и своеобразного информационного пространства. Кроме установления общеобязательной и обеспечиваемой принудительной силой государства юрисдикции, что, в принципе, достигается за сравнительно короткий срок, правовое государство предполагает наличие и реальное функционирование и других, не считая правового, регуляторов общественных отношений. Правовое государство, пишет Ф.М. Раянов, так же как и любое иное, не теряет своих возможностей создавать правовые нормы, а кое-где и санкционировать другие отдельные регуляторы, придавать им юридическую силу (обычаев, норм морали, корпоративных норм и т.д.) [15, с. 46]. «Позитивное (юридическое) право появляется для усиления, гарантирования в исполнении признанных в обществе неюридических правил поведения. Между юридическими и неюридическим и социальными регуляторами устанавливается органическая синкретическая связь» [17, с. 258].

По нашему мнению, современное Российское государство является государством более правовым, чем не правовым, потому что сегодня многие стороны жизнедеятельности населения регулируются правовыми нормами и принципами. Современное Российское государство к тому же является еще и многонациональным федеративным государством, в котором каждое государственное образование имеет свой национальный колорит и специфику, традиции и обычаи населяющих эти территории народов [3, с. 20]. Эти традиции и обычаи, включая моральные, религиозные нормы, постоянно принимают активное участие в регулировании общественных отношений, представляя собой соционормативную основу современного общества. Как социальные нормы они складываются в течение всей жизни общества и способствуют налаживанию общественных отношений, будучи не в состоянии оказаться вне воздействия между собой.

Библиографический список

1. *Алексеев С.С.* Уроки: тяжкий путь России к праву. – М.: Юристъ, 1997. – С. 175.
2. *Галиев Ф.Х.* Правовая культура и культурные традиции: сущностно-содержательное взаимодействие // Правовое государство: теория и практика. – 2009. – № 4 (18). – С. 8-9.
3. *Галиев Ф.Х.* Сочетание традиционного и правового регуляторов в правовой культуре федеративного государства // Правовое государство: теория и практика. – 2009. – № 17. – С. 17-20.
4. *Дроздова А.М., Комаров С.А.* Легитимация и ответственность власти во взаимоотношениях государства и личности: социально-философские и правовые аспекты: монография. 2-е изд. – СПб.: Изд-во Юридического института (Санкт-Петербург), 2011. – 227 с.
5. *Керимов Д.А.* Методология права: предмет, функции, проблемы философии права. 4-е изд. – М.: Изд-во СГУ, 2008. – С. 512.
6. *Комаров С.А.* Личность в политической системе российского общества: политико-правовое исследование: дис. ... д.ю.н. – Санкт-Петербург, 1996.
7. *Комаров С.А.* Правовое государство, личность, власть // Правовое государство: теория и практика. – 2013. – № 2 (32). – С. 25-31.
8. *Мальцев Г.В.* Понимание права: подходы и проблемы. – М.: Прометей, 1999.
9. *Марченко М.Н.* Проблемы теории государства и права: учеб. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. – 768 с.

10. *Марченко М.Н., Дерябина Е.Н.* Теория государства и права: учебно-методическое пособие. 2-е изд. – М.: Проспект, 2015. – 720 с.
11. *Раянов Ф.М.* Теоретические и практические проблемы формирования правового государства в России // Правовое государство: теория и практика. – 2013. – № 2 (32). – С. 10-19.
12. *Раянов Ф.М., Гарданов А.Ш.* Размышления о государстве. – Уфа: Башнистрой, 1994. – 128 с.
13. *Раянов Ф.М.* Понимание гражданского общества и правового государства в отечественной юридической науке и современные потребности в его переосмыслении // Правовое государство: проблемы понимания и реализации: сборник статей Международной научно-практической конференции, посвященной 10-летию журнала «Правовое государство: теория и практика» (г. Уфа 16-17 апреля 2015 г.) /отв. ред. Ф.Х. Галиев. В 2-х ч. Ч. 1. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. С. 3-11.
14. *Раянов Ф.М.* Гражданское общество и правовое государство – суть всей современной теории общественного развития // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 1 (39). – С. 6-14.
15. *Раянов Ф.М.* Матрица правового государства и наша юридическая наука // Государство и право. – 2006. – № 8. – С. 46.
16. *Раянов Ф.М.* Теория государства и права. – Уфа: Изд-ние Башкирск. ун-та, 1998. – 172 с.
17. *Раянов Ф.М.* Философия права: дискурсивный анализ и новые выводы. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 264 с.
18. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – М., 2000. – С. 112.

А.М.Литвинов*

ОСНОВАНИЯ ДОСРОЧНОГО ПРЕКРАЩЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ ЧЛЕНА ПАРЛАМЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

***Аннотация.** В статье дается характеристика оснований для досрочного прекращения полномочий парламентария с учетом последних изменений законодательного регулирования в этой сфере, среди которых расширение полномочий по контролю за депутатским корпусом со стороны фракций Государственной Думы. Автором рассмотрены законодательные основы санкционной политики в отношении депутатов-«прогульщиков».*

***Ключевые слова:** Государственная Дума, правовое регулирование, статус парламентария, прекращение полномочий, меры ответственности.*

THE RUSSIAN PARLIAMENT MEMBERS COMPETENCE: THE MAIN REASONS OF EARLY TERMINATION

***Summary.** The article gives a description of the reasons of early termination of competence of the parliamentarian, taking into account the recent changes in the legislative regulation in this sphere, among which the expansion of powers to control the deputy corps by the factions of the State Duma. The author considers the legislative bases of the sanctions policy with respect to the deputies - "truants".*

***Keywords:** State Duma, legal regulation, the status of a parliamentarian, termination of competence, measures of responsibility.*

Полномочия депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации начинаются с момента его избрания. Сроком окончания полномочий согласно ч. 4 ст. 99 Конституции Российской Федерации считается начало работы депутатов нового созыва Государственной Думы [1]. Кроме того, окончанием срока полномочий может являться досрочное прекращение полномочий депутата. Основания досрочного прекращения полномочий депутата Государственной Думы изложены в ст. Федерального закона от 08.05.1994 № 3-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» [2] (далее – Федеральный закон № 3-ФЗ). Рассмотрим более подробно и проведем характеристику оснований для досрочного прекращения полномочий депутата Государственной Думы в соответствии с последними изменениями законодательства.

Основанием досрочного прекращения полномочий депутата Государственной Думы может служить его письменное заявление о сложении своих полномочий (п. «а» части 1 статьи 4 Федерального закона № 3-ФЗ). Примечательно, что в указан-

---

* *Литвинов Алексей Михайлович*, аспирант Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России). E-mail: aspirant_lit@mail.ru

Litvinov Aleksey Mikhailovich, post-graduate student of the Russian state University of justice (RPA of the Ministry of justice).

ном Федеральном законе не упомянуты причины отставки депутата. Можно предположить, что ими могут быть обстоятельства, препятствующие выполнению депутатских полномочий. Например, длительная тяжелая болезнь, выезд на длительный срок за пределы Российской Федерации и т.д. Полагаем, что Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации вправе и не удовлетворить заявление депутата, если сочтет причины недостаточно обоснованными.

Основанием досрочного прекращения полномочий может быть избрание депутата Государственной Думы депутатом законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации или органа местного самоуправления, выборным должностным лицом иного органа государственной власти или органа местного самоуправления. Это правило можно объяснить тем, что лица, являющиеся депутатами двух представительных органов, не смогут одновременно эффективно осуществлять свои депутатские полномочия. Основанием досрочного прекращения полномочий депутата Государственной Думы является также несовместимость с занятием государственной должности Российской Федерации, а также государственной должности субъекта Российской Федерации, поступление на государственную или муниципальную службу (п. «б» ч. 1 ст. 4 Федерального закона № 3-ФЗ).

Упомянутый выше запрет вытекает из принципа разделения властей и имеет целью обеспечить независимость депутатов. Кроме того, это правило обусловлено необходимостью наиболее эффективной деятельности палат Федерального Собрания Российской Федерации, а также создания реальной возможности для активного выполнения депутатами своих функций.

Положения пункта «б» и «в» части 1 статьи 4 Федерального закона № 3-ФЗ приняты в развитие ст. 97 (ч. 2 и 3) Конституции Российской Федерации, согласно которой одно и то же лицо не может одновременно являться членом Совета Федерации и депутатом Государственной Думы, а депутат Государственной Думы не может быть депутатом иных представительных органов государственной власти и органов местного самоуправления, депутаты Государственной Думы не могут находиться на государственной службе.

Так, п. «в» ч. 1 ст. 4 Федерального закона № 3-ФЗ содержит положение о том, что поступление депутата Государственной Думы на государственную или муниципальную службу, вхождение их в состав органа управления хозяйственного общества или иной коммерческой организации, осуществление ими предпринимательской или другой оплачиваемой деятельности является основанием досрочного прекращения полномочий депутата Государственной Думы. Федеральный закон № 3-ФЗ допускает возможность совмещения полномочий депутата Государственной Думы с преподавательской, научной и иной творческой деятельностью. Это исходит из принципа профессионального, на постоянной основе, исполнения своих полномочий депутатами Государственной Думы.

Важно, что при этом преподавательская, научная и иная творческая деятельность не может финансироваться исключительно за счет средств иностранных государств, международных и иностранных организаций, иностранных граждан и лиц без гражданства, если иное не предусмотрено международным договором или законодательством Российской Федерации (п. «в» ч. 2 ст. 6 Федерального закона № 3-ФЗ).

Парламентарий, пожелавший реализовать конституционное право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию посредством занятия государственной должности, добровольно принимает

условия, ограничения и преимущества, с которыми связан приобретаемый им публично-правовой статус должностного лица, и выполняет соответствующие требования согласно установленной законом процедуре.

Необходимость создания условий для независимости, объективности деятельности депутата Государственной Думы, эффективного осуществления их полномочий определило внесение дополнения в Федеральный закон № 3-ФЗ в виде п. «в. 1» Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части уточнения требований к лицам, замещающим государственные или муниципальные должности, а также должности государственной или муниципальной службы» [3]. В соответствии с названным дополнением вхождение депутата Государственной Думы в состав органов управления, попечительских или наблюдательных советов, иных органов иностранных некоммерческих неправительственных организаций и действующих на территории Российской Федерации их структурных подразделений является основанием для досрочного прекращения полномочий депутата Государственной Думы, если иное не предусмотрено международным договором или законодательством Российской Федерации.

Следующее основание установлено Федеральным законом от 07.05.2013 № 102-ФЗ (ред. от 22.12.2014) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами» (далее – Федеральный закон № 102-ФЗ) вносятся изменения, которые устанавливают дополнительные основания для досрочного прекращения депутатом Государственной Думы своих полномочий [4].

Согласно ст. 5 Федерального закона № 102-ФЗ основанием считается открытие счетов (вкладов), хранение наличных денежных средств и ценностей в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владение и (или) пользование иностранными финансовыми инструментами депутатами Государственной Думы, их супругами и несовершеннолетними детьми. Основанием также является установление факта открытия (наличия) счетов (вкладов), хранения наличных денежных средств и ценностей в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владения и (или) пользования иностранными финансовыми инструментами в отношении депутата Государственной Думы в период, когда он был зарегистрирован в качестве кандидата на выборах депутатов Государственной Думы.

Основанием досрочного прекращения полномочий депутата Государственной Думы является утрата ими гражданства Российской Федерации либо приобретение гражданства иностранного государства. Это правило обусловлено тем, что пассивным избирательным правом, предполагающим возможность быть представителем избирателей в палате Федерального Собрания Российской Федерации, обладают только граждане Российской Федерации. Утрата депутатом Государственной Думы гражданства Российской Федерации означает потерю политических прав, в том числе права быть представителем избирателей - граждан России (п. «г» ч. 1 ст. 4 Федерального закона № 102-ФЗ).

Несовместимость двойного гражданства с мандатом депутата Государственной Думы определяется недопустимостью выполнения ими каких-либо обязанностей по

отношению к иностранному государству, возможным в связи с этим конфликтом интересов двух государств и влиянием этого конфликта на деятельность народного представителя.

Досрочное прекращение полномочий депутата Государственной Думы наступает в случае вступления в законную силу обвинительного приговора суда в отношении этих лиц. Такое право палаты Федерального Собрания Российской Федерации в отношении депутата, осужденного на основании обвинительного приговора суда, объясняется несовместимостью депутатского мандата с обвинительным приговором депутату Государственной Думы (п. «д» ч. 1 ст. 4 Федерального закона № 102-ФЗ).

Еще одним основанием для досрочного прекращения полномочий депутата Государственной Думы является вступление в законную силу решения суда об ограничении дееспособности депутата Государственной Думы либо о признании его недееспособным (п. «е» ч. 1 ст. 4 Федерального закона № 102-ФЗ).

Согласно Гражданскому кодексу Российской Федерации (далее – ГК РФ) решение суда о признании недееспособным может быть принято в отношении гражданина, который вследствие психического расстройства не может понимать значения своих действий или руководить ими. От имени гражданина, признанного недееспособным, гражданско-правовые сделки совершает его опекун [5].

Что касается реализации политических прав, то они не могут быть реализованы третьим лицом. Ограниченно дееспособным может быть признан решением суда гражданин, который вследствие злоупотребления спиртными напитками или наркотическими средствами ставит свою семью в тяжелое материальное положение. Над ним устанавливается попечительство. Он вправе совершать мелкие бытовые сделки. Совершать другие сделки, а также получать заработок, пенсию и иные доходы и распоряжаться ими он может лишь с согласия попечителя.

Такой гражданин самостоятельно несет имущественную ответственность по совершенным им сделкам за причиненный им вред (ст. 30 ГК РФ). Однако моральный облик такого гражданина не позволяет ему быть депутатом Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. Выполнять ответственные полномочия народных представителей могут лишь физически и психически здоровые люди, обладающие безупречной репутацией.

Признание члена Совета Федерации, депутата Государственной Думы безвестно отсутствующими либо объявление их умершими на основании решения суда, вступившего в законную силу, считается одним из оснований досрочного прекращения их полномочий (п. «е» ч. 1 ст. 4 Федерального закона №102-ФЗ) или в случае смерти члена Совета Федерации, депутата Государственной Думы (п. «и» ч. 1 ст. 4 Федерального закона № 102-ФЗ).

Полномочия прекращаются также в случае роспуска Государственной Думы, предусмотренного ст. 111 и 117 Конституции Российской Федерации. Согласно ст. 111 Конституции Президент Российской Федерации после трехкратного отклонения Государственной Думой кандидатур Председателя Правительства назначает Председателя Правительства, распускает Государственную Думу и назначает новые выборы. В соответствии с п. 3 ст. 117 Конституции Государственная Дума может выразить недоверие Правительству Российской Федерации. Постановление о недоверии Правительству принимается большинством голосов от общего числа депутатов Государственной Думы. После выражения Государственной Думой недоверия Правительству Президент Российской Федерации вправе объявить об отставке Прави-

тельства либо не согласиться с решением Государственной Думы. В случае, если Государственная Дума в течение трех месяцев повторно выразит недоверие Правительству, Президент Российской Федерации объявляет об отставке Правительства либо распускает Государственную Думу.

В п. 4 ст. 117 Конституции Российской Федерации предусмотрена возможность Председателя Правительства поставить перед Государственной Думой вопрос о доверии Правительству. Если Государственная Дума в доверии отказывает, Президент Российской Федерации в течение семи дней принимает решение об отставке Правительства или о роспуске Государственной Думы и назначении новых выборов.

Следующее основание досрочного прекращения полномочий закреплено в п. «б» части 3 статьи 4 Федерального закона и является выходом по личному заявлению из состава фракции, в которой он состоит. Следует отметить что такое поведение члена Парламента ведет к искажению воли избирателя на выборах, и если депутат баллотировался на выборах от одной политической партии, а после избрания вышел из нее (перешел в другую), то это справедливо ведет к лишению депутатского мандата. В силу этого выход из партийной фракции в Государственной Думе, рассматривается как основание досрочного прекращения полномочий такого депутата Государственной Думы.

Также здесь следует отметить мировой опыт действия законодателей в подобной практике. Законодательство отдельных иностранных государств признает такое основание конституционно-правовой ответственности, как изменение депутатом партийной принадлежности, если его избрание было связано с соответствующей партией. Так, согласно ст. 163 Конституции Португальской Республики депутаты, если они становятся членами другой политической партии, от которой они не баллотировались на выборах, лишаются депутатского мандата [6].

В 2016 продолжением линии на усиление работы депутатского корпуса, усилением приема и контроля за обращениями граждан и укрепления дисциплины в партийных рядах, а также повышения посещаемости пленарных заседаний и заседаний комитетов Государственной Думы (иными словами – борьбы с прогулами) стал Федеральный закон от 3 мая 2016 № 140-ФЗ «О внесении изменений в статью 4 Федерального закона «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» [7], дополнивший Федеральный закон частью 3.1, которая устанавливает возможность прекращения полномочий депутата Государственной Думы досрочно решением Государственной Думы по инициативе фракции, в которой он состоит, или по инициативе комитета, членом которого он является, в случае неисполнения в течение 30 и более календарных дней возложенных на него законом обязанностей, а именно:

1) Депутат Государственной Думы обязан поддерживать связь с избирателями. Депутат Государственной Думы, входивший в качестве кандидата в региональную группу кандидатов федерального списка кандидатов, поддерживает связь с избирателями на территории, которой соответствовала эта региональная группа кандидатов. Депутат Государственной Думы, избранный по одномандатному избирательному округу, поддерживает связь с избирателями своего округа.

2) Депутат Государственной Думы обязан рассматривать обращения избирателей, лично вести прием граждан в порядке и сроки, которые установлены Регламентом Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, но не реже чем один раз в два месяца, проводить встречи с избирателями не реже чем

один раз в полгода, а также осуществлять предусмотренные законодательством Российской Федерации иные меры, обеспечивающие связь с избирателями.

3) Член Совета Федерации, депутат Государственной Думы обязаны принимать личное участие в заседании соответствующей палаты Федерального Собрания Российской Федерации, комитета, комиссии, согласительной и специальной комиссии, членами которых они являются, в порядке, установленном регламентами палат Федерального Собрания Российской Федерации.

Здесь следует отметить, что норма о присутствии на заседании Палаты подкреплена регламентной нормой, предусматривающей санкции в отношении депутатов-прогульщиков. Так, в статье 44 части 5 Регламента Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации устанавливается ответственность в случае отсутствия депутата Государственной Думы на заседании палаты без уважительной причины, в отношении его устанавливается ответственность в виде уменьшения размера ежемесячных выплат, на одну шестую за каждое пропущенное заседание палаты [8].

Под уважительной причиной понимается временная нетрудоспособность, направление за пределы Российской Федерации в составе официальной парламентской делегации, направление в служебную командировку. Уважительной причиной отсутствия на заседании палаты членов Совета Государственной Думы – Председателя Государственной Думы, заместителей Председателя Государственной Думы и руководителей фракций является также исполнение полномочий членов Совета Государственной Думы (часть 4 статьи 5 Регламента Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации).

Следует отметить, что все последние изменения благоприятно воздействовали на дисциплину в депутатском корпусе и способствовали увеличению активности депутатов и качества работы Парламента как высшего органа законодательной власти в Российской Федерации.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (ред. от 21.07.2014) // Российская газета, 1993, 25 дек.
2. Федеральный закон от 08.05.1994 № 3-ФЗ «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (ред. от 29.07.2017) // Российская газета, 1994, 12 мая.
3. Федеральный закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» (ред. от 29.07.2017) // Российская газета, 2007, 7 марта.
4. Федеральный закон от 07.05.2013 № 102-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета, хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами» (ред. от 22.12.2014) // Российская газета, 2013, 14 мая.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 05.12.2017) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
6. Конституция Португальской Республики от 02.04.1976 (принята Учредительным собранием) // <http://pandia.ru/text/77/301/93234.php>.

7. Федеральный закон 03.05.2016 № 140-ФЗ «О внесении изменений в статью 4 Федерального закона «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Российская газета, 2016, 6 мая.

8. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 22.01.1998 № 2134-II ГД «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (ред. от 22.09.2017) // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 7. – Ст. 801.

Б.А.Ревнов*

ЗНАЧЕНИЕ ЮРИСДИКЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

***Аннотация.** В статье анализируется компетенция Конституционного Суда Российской Федерации в части влияния на региональное законодательство субъектов Российской Федерации, рассматривается ряд конкретных аспектов влияния, исследуются правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации и отдельные вопросы конституционной ответственности с целью выявить и показать роль и значение судебных актов Суда для модернизации законодательства субъектов Российской Федерации.*

***Ключевые слова:** решения Конституционного Суда Российской Федерации, компетенция Конституционного Суда Российской Федерации, развитие регионального законодательства субъектов Российской Федерации, исполнение решений Конституционного Суда Российской Федерации.*

THE MEANING OF JURISDICTION OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION FOR THE DEVELOPMENT OF LEGISLATION OF CONSTITUENT ENTITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

***Summary.** The article analyzes the competence of the constitutional Court of the Russian Federation, in terms of influence of regional legislation of constituent entities of the Russian Federation, examines a number of specific aspects of influence, examines the legal position of the constitutional Court of the Russian Federation and certain issues of constitutional responsibility, with the aim to identify and demonstrate the role and importance of judicial acts of the Court to modernize the legislation of constituent entities of the Russian Federation.*

***Keywords:** decisions of the constitutional Court of the Russian Federation, the competence of the constitutional Court of the Russian Federation, development of regional legislation of constituent entities of the Russian Federation, execution of decisions of constitutional Court of the Russian Federation.*

В целях защиты основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечения верховенства и прямого действия Конституции Российской Федерации на всей территории Российской Федерации Конституционный Суд Российской Федерации (далее также – Суд) обладает достаточно широким кругом полномочий, реализуя которые посредством принятия судебных актов по различным поводам, он оказывает влияние в том числе и на развитие регионального законодательства в субъектах Российской Федерации. В частности, Суд разрешает

---

* *Ревнов Борис Александрович*, доцент кафедры конституционного и административного права Юридического института (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук. E-mail: akziz07@ya.ru

Revnov Boris Alexandrovich, associate Professor of Department of Constitutional and Administrative law of Law Institute, Saint-Petersburg, candidate of Law.

дела о соответствии Конституции Российской Федерации регионального законодательства по вопросам совместного ведения [1, п. «б» ч. 2 ст. 125]. Кроме того, Суд по жалобам граждан и по запросам судов проверяет конституционность закона, в том числе закона субъекта Российской Федерации, примененного [2, п. 3 ст. 3] или подлежащего применению (в случае судебного запроса) в конкретном деле [2, п. 3.1 ч. 1 ст. 3].

К актам регионального уровня, подлежащим проверке Конституционным Судом Российской Федерации, относятся прежде всего основные законы субъектов Российской Федерации – их конституции, уставы. Относительно иных законов и нормативных актов субъектов Российской Федерации имеются определенные ограничения: под юрисдикцию Суда подпадают те из них, которые изданы по вопросам, относящимся к ведению федеральных органов государственной власти и совместному ведению федеральных и региональных органов государственной власти. Другое ограничение обусловлено самим понятием «нормативный акт субъекта Федерации». Оно в данном случае подразумевает нормативные акты высших органов государственной власти субъектов. Иные нормативные акты, издаваемые в субъектах Российской Федерации, например акты министерств, а также нормативные акты органов местного самоуправления не подпадают под юрисдикцию Суда. Они могут быть оспорены в других судах, в том числе в конституционных (уставных) судах субъектов Российской Федерации.

С учетом окончательности [2, ч.1 ст. 79] решения Конституционного Суда Российской Федерации, а также невозможности применения норм, признанных противоречащими Конституции Российской Федерации [1, ч.6 ст. 125; 2, ст. 87], на государственные органы и должностные лица, в том числе субъектов Российской Федерации, возложена обязанность по приведению законов и иных нормативных актов в соответствие с Конституцией Российской Федерации в связи с решением Суда [2, ст. 80]. При этом законодательный (представительный) и исполнительный органы государственной власти субъекта Российской Федерации, его высшее должностное лицо, обеспечивая неукоснительное исполнение соответствующего решения Конституционного Суда Российской Федерации в точном соответствии с его смыслом, обязаны не только исключить реализацию самого положения, признанного неконституционным и вследствие этого утратившего юридическую силу, но и не допустить использование в практике государственного строительства субъекта Российской Федерации и его отношений с Российской Федерацией аналогичных ему положений других нормативных правовых актов, а также отменить положения таких нормативных актов, которые основаны на нормах, признанных не соответствующими Конституции Российской Федерации, либо воспроизводящие их. Недопустимо также повторное принятие по сути идентичных положений: при внесении в соответствующий нормативный правовой акт субъекта Российской Федерации изменений и дополнений в нем не могут предусматриваться предписания, которые по своему смыслу являются такими же, какие решением Конституционного Суда Российской Федерации признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации и потому утратившими силу.

С учетом изложенной выше компетенции Конституционного Суда Российской Федерации во взаимосвязи с конституционными положениями о верховенстве законов в Российской Федерации [1, ст. 4], единстве системы государственной власти, разграничении предметов ведения и полномочий между центральными и региональными органами власти [1, ст. 5], а также отнесении к исключительной компе-

тенции Российской Федерации области контроля за соблюдением Конституции Российской Федерации [1, п. «а» ст. 71] возможно сделать вывод о том, что все нормативные положения, аналогичные той норме, которая как не соответствующая Конституции Российской Федерации признана Конституционным Судом Российской Федерации утратившей силу и не подлежащей применению, также не должны применяться и подлежат устранению из правовых систем всех субъектов Российской Федерации как составных элементов правовой системы Российской Федерации. Поэтому их законодательные (представительные) и исполнительные органы, а также высшие должностные лица обязаны после опубликования решения Конституционного Суда Российской Федерации отменить все подобные положения, содержащиеся в принятых ими нормативных правовых актах.

Законодательные (представительные) и исполнительные органы государственной власти субъектов Российской Федерации, их высшие должностные лица не вправе принимать какие-либо акты и совершать действия (бездействие), направленные на сохранение указанных положений в правовой системе, в правовом регулировании и правоприменении. Такие акты и действия (бездействие) нарушают вытекающие из ряда положений [1, ст. 10, ст. 118, ч.6 ст. 125] Конституции Российской Федерации и конкретизированные [2, ст. 6, 79, 81] в Федеральном конституционном законе «О Конституционном Суде Российской Федерации» требования об обязательности решений Конституционного Суда Российской Федерации и о неукоснительном их исполнении, а также о запрете преодолевать решение Конституционного Суда Российской Федерации повторным принятием неконституционного акта.

Руководствуясь решениями Конституционного Суда Российской Федерации, суды общей юрисдикции по инициативе управомоченных лиц вправе признавать недействительность положений конституций, уставов, законов субъектов Российской Федерации, то есть подтверждать утрату ими юридической силы, если они содержат такие же нормы, какие признаны Конституционным Судом Российской Федерации не соответствующими Конституции Российской Федерации, утратившими силу и не подлежащими применению [3], хотя такое подтверждение не является обязательным элементом механизма исполнения решения Конституционного Суда Российской Федерации.

В случае признания решением суда общей юрисдикции, основанным на решении Конституционного Суда Российской Федерации, недействительности правовой нормы для ее отмены также не требуется принятия соответствующим органом государственной власти субъекта Российской Федерации специального акта. Однако при этом не исключается право управомоченных органов субъекта Российской Федерации при несогласии с решением суда общей юрисдикции обратиться [2, ст. 85] в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом о проверке конституционности нормативного акта в случае, если они посчитают подобный нормативный акт подлежащим действию вопреки подобному судебному решению, поскольку спорные вопросы, связанные с конституционным статусом субъектов Российской Федерации, в конечном счете разрешаются посредством конституционного судопроизводства [1, ст. 118, 125].

Неисполнение органами государственной власти и должностными лицами субъектов Российской Федерации решения Конституционного Суда Российской Федерации дает, в частности, основания для применения мер уголовной ответственности за неисполнение судебного акта, предусмотренных Уголовным кодексом Рос-

сийской Федерации: злостное неисполнение специальными субъектами вступивших в законную силу судебных актов, а равно воспрепятствование их исполнению влечет максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до двух лет [4]. Кроме того, в случае неисполнения решения Суда Президент Российской Федерации уполномочен вынести предупреждение соответствующему органу власти (должностному лицу) субъекта Российской Федерации [5], что в конечном итоге может иметь следствием досрочное прекращение их полномочий. Подобные последствия, с учетом презумпции конституционности положений федерального законодательства, образуют одну из форм конституционно-правовой ответственности.

При этом, учитывая, что неисполнение решения Конституционного Суда Российской Федерации объективно создает препятствия для обеспечения верховенства и прямого действия Конституции Российской Федерации на всей территории Российской Федерации, для реализации закрепленных Конституцией Российской Федерации основ конституционного строя и полномочий федеральных органов государственной власти, дополнительное, повторное установление иным судом таких обстоятельств для вынесения Президентом Российской Федерации предупреждения не требуется, тем более что решение Конституционного Суда Российской Федерации окончательно, не подлежит обжалованию, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами, то есть, следовательно, и другими судами [2, ч. 1, 2 ст. 79].

Вместе с тем и при отсутствии специального судебного решения, непосредственно подтверждающего неконституционность положения законодательства субъекта Российской Федерации, аналогичного ранее признанному Конституционным Судом Российской Федерации не соответствующим Конституции Российской Федерации, принцип непосредственного действия решений Конституционного Суда Российской Федерации, с учетом того, что признание неконституционным нормативного акта является основанием для отмены всех иных нормативных актов, основанных на положениях, признанных не соответствующими Конституции Российской Федерации [2, ч.2 ст. 87], обязывают органы государственной власти субъектов Российской Федерации выявлять в своем законодательстве положения, аналогичные тем, которые признаны неконституционными, и отменять их в установленном порядке. Неисполнение этой обязанности также влечет конституционно-правовую ответственность в форме досрочного прекращения полномочий, процедура которого начинается с вынесения Президентом Российской Федерации предупреждения [5].

Сказанное опять-таки не препятствует субъектам Российской Федерации использовать средства судебной защиты, включая обращение [2, ч.1 ст.85] в Конституционный Суд Российской Федерации, направленные на подтверждение конституционности нормативного положения и, таким образом, отсутствия у них обязанности его отменять, а также на опровержение иных аргументов федеральных органов государственной власти по поводу фактов неисполнения решения Конституционного Суда Российской Федерации [6].

Юрисдикция Конституционного Суда Российской Федерации также распространяется на такую специфическую категорию нормативных актов, как договоры [1, п. «в» ч.2 ст. 125]. Речь идет о договорах, заключаемых на основании ч. 3 ст. 11 Конституции Российской Федерации между органами государственной власти Российской Федерации и ее субъектов, а также о договорах между органами государственной власти двух или более субъектов Российской Федерации, то есть о внутри-

федеральных договорах. Под юрисдикцию Конституционного Суда Российской Федерации в том числе подпадают договоры в публично-правовой сфере, например о разграничении предметов ведения и полномочий [7], однако подобных дел в практике Конституционного Суда Российской Федерации пока не было.

К юрисдикции Конституционного Суда Российской Федерации относится также разрешение споров о компетенции между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти ее субъектов [1, пп. «б» ч. 3 ст. 125]; между высшими государственными органами субъектов Российской Федерации [1, пп. «в» ч. 3 ст. 125].

Разрешая споры о компетенции между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, Суд призван защищать государственную целостность Российской Федерации, конституционные полномочия (права) как субъектов Российской Федерации, так и Российской Федерации в целом. Одна из трудностей, стоящих перед Судом при реализации данного полномочия, заключается в том, что Конституция Российской Федерации прямо не определяет предмет ведения и полномочия субъектов Российской Федерации. Выявить их можно лишь путем системного толкования конституционных положений о предмете ведения Российской Федерации и совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов [8].

Конституционный Суд Российской Федерации может делегировать [2, п.7 ч.1 ст.3] полномочия по разрешению споров о компетенции между органами власти одного и того же субъекта Российской Федерации, установленной конституцией (уставом) этого субъекта, на основе договора о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и субъектов Российской Федерации [1, ст. 11]. При этом Суд рассматривает споры о компетенции исключительно с точки зрения установленного Конституцией Российской Федерации принципа разделения властей [1, ст. 10] и разграничения компетенции между федеральными органами государственной власти, а также с точки зрения разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, между высшими государственными органами субъектов Российской Федерации [2, ч.1 ст. 94].

Если предметом спора о компетенции является нормативный акт, то рассмотрение его на соответствие Конституции Российской Федерации по содержанию норм, форме, порядку его подписания, принятия, опубликования или введения в действие возможно только в порядке рассмотрения дел о конституционности нормативных актов [2, ч. 2 ст. 94]. Но и в этом случае необходима проверка конституционности нормативного акта с точки зрения разделения властей, разграничения компетенции, предметов ведения и полномочий [2, п. 4-6 ст. 86, ст. 90, 99, 104]. Иными словами, и в этих случаях косвенно осуществляется проверка конституционности компетенции органа, издавшего проверяемый на соответствие Конституции Российской Федерации нормативный акт.

Разрешая споры о компетенции, Конституционный Суд Российской Федерации обеспечивает действие принципов разделения властей, верховенство Конституции Российской Федерации и конституций (уставов) субъектов Российской Федерации, способствует установлению стабильности в их государственно-правовом развитии.

Названная компетенция Конституционного Суда Российской Федерации очерчивает достаточно широкий круг вопросов, при разрешении которых итоговое ре-

шение по делу Конституционного Суда Российской Федерации оказывает существенное влияние на региональное законодательство. Более того, законодательство предусматривает и механизмы ответственности в случае неисполнения решений Суда. Таким образом, Конституционный Суд Российской Федерации не только стоит на страже гарантированных конституцией прав и свобод, но и в немаловажной степени обеспечивает системное единство федерального и регионального законодательства, обеспечивая государственную целостность и единство системы государственной власти.

Библиографический список

1. См.: Конституция Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
2. См.: Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 13. – Ст. 1447.
3. См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11.04.2000 № 6-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений пункта 2 статьи 1, пункта 1 статьи 21 и пункта 3 статьи 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с запросом Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 16. – Ст. 1774; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 08.02.2001 № 15-О «По ходатайству Председателя Правительства Республики Карелия о разъяснении Постановлений Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июня 1998 года по делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации и от 11 апреля 2000 года по делу о проверке конституционности отдельных положений пункта 2 статьи 1, пункта 1 статьи 21 и пункта 3 статьи 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 11. – Ст. 1070.
4. См. ст. 315 Уголовного кодекса Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
5. См. ст. 9, 29.1 Федерального закона от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 24. – Ст. 5005.
6. См.: Определение Конституционного Суда РФ от 19.04.2001 N 65-О «По ходатайству полномочного представителя Президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе об официальном разъяснении определения Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 года по запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке соответствия Конституции Российской Федерации отдельных положений Конституций Республики Адыгея, Республики Башкортостан, Республики Ингушетия, Республики Коми, Республики Северная Осетия - Алания и Республики Татарстан» // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 20. – Ст. 2059.
7. См.: Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) // Л.В. Андриченко, С.А. Боголюбов, Н.С. Бондарь и др./ под ред. В.Д. Зорькина. 2-е изд., пересмотренное. – М.: Норма, Инфра-М, 2011. – С. 692; Комментарий к Конституции Российской Федерации. 3-е изд., испр. и доп. / под ред. проф. С.А. Комарова. – М.: Изд-во «Юрайт», 2018. – С. 37-39.

8. См.: Комментарий к Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации» (постатейный) // Ю.А. Андреева, В.В. Балытников, Н.С. Бондарь и др. /под ред. Г.А. Гаджиева. – М.: Норма, Инфра-М, 2012. – С. 42-43 // www.consultant.ru/

ВЕСТИ С VIII ПЕТЕРБУРГСКОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ФОРУМА

В.Д.Зорькин*

СПРАВЕДЛИВОСТЬ – ИМПЕРАТИВ ЦИВИЛИЗАЦИИ ПРАВА

Jus est ars boni et aequi¹
Цельс

Современный мир оказался на развилке, после которой развитие России и всего человечества может пойти по самым разным, в том числе и очень негативным сценариям.

В сегодняшней лекции (по своему содержанию она является продолжением моей прошлогодней лекции «Суть права») я буду говорить о *справедливости* как ценностно-нормативном принципе упорядочивания глобальной реальности в ее соответствии с *правом*.

Эта тема сейчас более чем назрела. Мы можем однажды проснуться и понять, что того мира, в котором мы жили, больше нет.

А есть совершенно другой мир, отрицающий все то, в чём и чем мы жили. Мир, в котором стабильность и порядок, основанные на справедливости и праве, отменены. Мир, в котором народы и государства выживают в волнах всеобъемлющего хаоса, о котором великий русский поэт Александр Блок написал пророческие строки:

*«Не стерег исступленный дракон,
Не пылала под нами геенна,
Затопили нас волны времен,
И была наша участь – мгновенна».*

---

* **Зорькин Валерий Дмитриевич** – Председатель Конституционного Суда Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации.

Лекция 17 мая 2018 года в рамках VIII Петербургского Международного Юридического Форума // <http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=85>.

¹ Право есть искусство добра и справедливости (лат.)

Проблема справедливости – это правовая проблема

В своей основе (т.е. в своем смысловом ядре) *проблема справедливости, раскрываемая через категорию равенства, – это именно правовая проблема*. В пользу такого понимания сути дела свидетельствует уже сама этимология латинского слова «*justitia*», обозначающего одновременно *и справедливость, и правосудие* с присущими ему атрибутами равносправедливого подхода: презумпцией невиновности, состязательностью и равноправием сторон, беспристрастностью при вынесении суждений по делу, правом на защиту, невозможностью прямых обвинений при наличии лишь косвенных улик, а то и вовсе предположений и т.д.

Не менее выразительно правовая природа справедливости представлена в русском языке, где право составляет корень слова «справедливость». Язык в этом отношении мудрее нас, он смог найти ответ на вопросы, в чем же состоит справедливость и какими средствами ее добиться. Средство для достижения справедливости, которое есть в наших руках – это право.

Не вдаваясь в дискуссию, выделю наиболее значимый мировоззренческий вопрос: *является ли справедливость универсальным феноменом, который представляет собой общезначимый итог рационально-логического осмысления социальных реалий, или справедливость – это явление лишь партикулярного и субъективного порядка, обусловленное представлением о справедливости того или иного социума, находящегося в определенных конкретно-исторических и социокультурных рамках*.

Такая, на первый взгляд, сугубо теоретическая постановка вопроса имеет очень важные выходы на практику.

Изучая труды великих представителей западной философии, мы видели в Западе носителя рациональной трактовки справедливости как равенства, восходящей к идеям античного рационализма. В отличие от морально-религиозного осмысления справедливости, доминировавшего в русской философии, западное понимание справедливости в значительной мере носило рациональный, *правовой* характер и претендовало на универсальное, общечеловеческое значение. Отказываясь в конце 80-х годов прошлого века от коммунистической идеологии, мы исходили из того, что *понимание справедливости как равенства, как соответствия между деянием и воздаянием, как предсказуемой и понятной каждому разумному человеку связи между трудом и вознаграждением, между виной и ответственностью и т.д., обеспечивает максимальную свободу человека*.

Нас убеждали, что Запад живет по этим принципам и считает их универсальными. Однако события последнего времени сыграли для многих из нас роль разрушителя такой «уютной» картины мира, которая в результате больших совместных усилий разных стран и народов сложилась за последние десятилетия.

Ошелмляющая практика фальсификации справедливости и права

Очень показательным является так называемое «дело Скрипалей», которое, видимо, у всех присутствующих на слуху. Речь идет об отравлении в Великобритании 4 марта 2018 г. работавшего на британскую разведку бывшего полковника ГРУ Сергея Скрипаля и его дочери.

Дело Скрипалей как раз показало, что если при оценке спорной ситуации отказаться от понимания справедливости как равенства, соответствия, предсказуемой и понятной каждому разумному человеку связи между деянием и воздаянием, между

виной и ответственностью, между обвинениями и доказательствами и т.д., а вместо этого ориентироваться на партикулярное чувство справедливости, апеллирующее к аргументам морального характера, то легко можно получить ситуацию хаоса. Причем, что особенно опасно, – такого управляемого хаоса, когда манипулирование соображениями некой моральной справедливости, подогреваемые игрой на чувствах страха, возмущения, сострадания и т.д., – блокируют возможность трезвого, рационального анализа.

В таком случае возникает опаснейшая угроза фактической «отмены» базовых опор правосудия, восходящего к исходному пониманию справедливости, с имманентно присущими ему атрибутами равно справедливого подхода: презумпцией невиновности, состязательностью и равноправием сторон, беспристрастностью при вынесении суждений по делу, правом на защиту, невозможностью прямых обвинений при наличии лишь косвенных улик или предположений, и т.д.

Если взглянуть на дело Скрипалей с юридической точки зрения, то мы увидим, что раскрутка этого дела ловко выстроена с помощью фальсификации справедливости и права, то есть на псевдо правовой основе, заложенной еще в деле Литвиненко. Поскольку именно создание видимости полноценного правового разбирательства дела Литвиненко – сформировало ту почву массовых представлений, которая далее раз за разом используется для раскручивания в Британии и других странах мира антироссийской истерии.

Люди, не знакомые с особенностями английской правовой системы, решили, что именно в ходе судебного *разбирательства* этого дела были выдвинуты и доказаны обвинения не только против двух российских граждан (Лугового и Ковтуна), но и против высших должностных лиц нашего государства.

Однако в действительности никакого судебного разбирательства просто не было! А было так называемое коронерское дознание (*coroner's inques*), то есть *следствие*, устанавливающее лишь факт и причину смерти. Оно было проведено судьей Оуэном, которому затем (что само по себе удивительно) было поручено и публичное рассмотрение-исследование (*public inquiry*), являющееся чем-то вроде журналистского расследования, по результатам которого готовится публично оглашаемый отчет.

Вот в этом-то отчете, не имеющем никакого правового значения и растиражированном всеми мировыми СМИ, судья Оуэн (на тот момент – уже бывший судья, то есть, судья в отставке) и высказал все обвинения против российских граждан и высших должностных лиц государства, подстраховавшись при этом словечком *«probably»* (возможно) и сославшись на засекреченную доказательную базу. При этом многие СМИ до сих пор трактуют данный отчет как решение суда, вынесенное судьей сэром Оуэном, а мировое общественное мнение – от обывателей до многих политических лидеров – уверено в том, что имеет дело с английским правосудием, которому оно привыкло доверять.

Но ведь в деле Скрипалей то же самое британское правосудие использовало точно такую же неправовую схему, когда обвинение не доказано – чего стоят обвинительные обороты выступлений г-жи Терезе Мэй *«highly likely»* (то есть, «весьма вероятно») и ее ссылки на слова сомнительных свидетелей и секретность доказательств. Обвинение не доказано – а приговор вынесен, солидарно одобрен «евроатлантическим сообществом» и приводится в исполнение.

Однако и в деле Литвиненко, и в деле Скрипалей данное грубейшее нарушение правовых норм – не единственное.

Право как справедливость обязывает к таким процедурным условиям, как предоставление обвиняемой стороне всей доказательной базы, включая самих пострадавших, фактические исходные следы преступления (то есть, возможность независимо взять и исследовать радиологические и химические пробы на месте преступления и у пострадавших), возможность опроса свидетелей преступления и т.д.

В обоих этих случаях России в соблюдении этих справедливых – причем обязательных – процедурных условий было отказано со ссылкой на «секретность» и «государственные интересы».

Более того, в деле Литвиненко не был серьезно расследован ни тот объявленный факт, что следы полония были якобы обнаружены в офисе Бориса Березовского, причем их изотопный анализ показал, что у Березовского полоний оказался задолго до отравления Литвиненко. Не были серьезно расследованы и обстоятельства смерти самого Березовского – тем более, с учетом того, что все люди, давно и хорошо знающие Березовского, возможность его самоубийства категорически отрицают.

И таким же образом Британия категорически отказывается от сотрудничества с Россией в расследовании дела Скрипалей. Приглашенные для рассмотрения дела эксперты Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО) собственного расследования не проводили, а получили для анализа лишь некие вещественные доказательства, собранные (или сфабрикованные?) британским следствием.

Тем не менее, представленный 18 апреля 2018 г. доклад ОЗХО не подтверждает британской версии, то есть не содержит вывода о том, что отравляющее вещество, использованное в Солсбери (А-234), было произведено в России.

В полном списке нарушений международного права в деле Скрипалей и полная непрозрачность расследования, и лишение российских граждан консульского доступа и общения с родственниками (что, отмечу, делает правомерной гипотезу о том, что они попросту похищены, и не случайно от их лица с миром общается Скотланд-Ярд, устами которого они могут сказать все, что угодно).

Здесь очевидно то, что на основании откровенно бездоказательных обвинений, оскорбляющих разум и чувство справедливости, была проявлена экстраординарная солидарность ведущих стран Запада и приняты беспрецедентные меры против России. И не менее очевидно, что под информационно-дымовой завесой «дела Скрипалей» была проведена крупная агрессивная акция против Сирии – опять-таки, со ссылками на ничем достоверно не подтвержденную информацию о химатаке, якобы осуществленной правительственными силами.

Но дальше – больше. Я имею в виду решение президента США Трампа – вновь беспрецедентное! – в одностороннем порядке выйти из соглашения 2015 г. под названием Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД) по ограничению ядерной программы Ирана.

Это соглашение, под которым подписалась вся «пятерка» постоянных членов Совета безопасности ООН плюс Германия, гарантировало, что Иран не реализует «военную» ядерную программу» и ставит свои ядерные объекты под постоянный контроль МАГАТЭ, а в обмен получает снятие наиболее болезненных международных и американских санкций, включая ограничения своего экспорта и импорта, а также международных финансовых расчетов. Это соглашение, исполнение которого постоянно контролирует МАГАТЭ, позволило Ирану резко увеличить темпы экономического и социального развития.

Однако 8 мая 2018 г. Трамп – без какого-либо согласования с партнерами по СВПД и вопреки выводам докладов экспертов МАГАТЭ – объявил, что США располагают доказательствами нарушения соглашения Ираном, а также о введении новых санкций не только против Ирана, но и против всех компаний в любых странах мира, которые будут нарушать американские санкции. При этом Трамп сослался на новые доказательства нарушений СВПД Тегераном, которые, якобы, добыла разведка Израиля. Однако эксперты, изучившие эти доказательства, выявили, что они относятся ко времени ДО заключения Ираном соглашения СВПД, и что в них нет ничего нового. Все другие гаранты соглашения СВПД, включая членов НАТО Великобританию, Францию и Германию, выразили резкое несогласие с решением Трампа.

Из всего изложенного следует вопрос, который, как мне кажется, в первую очередь следует поставить в юридической аудитории.

Как получилось, что мы вдруг оказались в мире, где выяснение и всестороннее исследование всех фактических обстоятельств, имеющих существенное значение для расследования преступления как уголовно наказуемого виновного деяния, или, используя понятие современной немецкой юриспруденции «*установление материальной истины по делу*», – огромную часть этого мира как бы вообще не интересует? В мире, где, по выражению наших дипломатов, подозрение становится царицей доказательств?

Ответить на этот вопрос – значит понять что-то очень важное о нынешней ситуации в мире и его правовых основаниях.

С практической точки зрения речь идет о том, что мы должны оперативно выявлять ситуации, когда имидж страны дискредитируется посредством разного рода манипулятивных психотехнологий, в том числе путем подмены честного правового спора и справедливого юридического разбирательства псевдоюридическими махинациями. Наше юридическое сообщество должно научиться более четко, своевременно и грамотно переводить эти ситуации в правовую плоскость, включающую в себя судебные иски и иные способы правовой защиты. Возможно, это потребует создания специальных общественных и государственных структур, потому что проблема того стоит.

Мифологизированная «справедливость» против права

В данной связи вспоминаются слова, сказанные когда-то основателем финансовой династии Ротшильдов: «Кто владеет информацией, тот владеет миром». А сейчас специалисты говорят так: «Кто владеет средствами массовой информации, тот владеет миром».

Я привел в качестве примера дело Скрипалей для того, чтобы привлечь внимание именно *юристов* (и прежде всего отечественных юристов) к *фальсификациям справедливости и права*. Подобного рода праворазрушительные ситуации надо отслеживать и адекватно на них реагировать. Реагировать, как в практической, так и в теоретической плоскостях.

Возможности для такого ухода от права готовились давно. И складывались из апробирования и закрепления последовательности применения трех основных технологий:

- предъявление доминирующими СМИ некоего события или процесса как грубейших нарушений прав человека, вопиющей несправедливости и/или опасности, и предъявление обвинений «несправедливому и опасному» государству-субъекту.

В том числе, на основании односторонне «отфильтрованной» информации, а также фейковой или откровенно постановочной дезинформации в адрес национального и международного сообщества;

- возбуждение общества не снимаемой несправедливостью и объяснение сообществу через те же СМИ невозможности восстановить справедливость или снять угрозы правовыми методами, в том числе с использованием правовых механизмов ООН;

- формирование коалиции стран и сил, которые далее начинают «восстанавливать справедливость» или «снимать угрозу» со стороны «опасной диктатуры» без какого-либо правового мандата – как правило, под предлогом «принуждения к миру», «гуманитарной интервенции» или пришедшей ей на смену «ответственности по защите».

Видимо, одним из наиболее известных первых опытов опробования этого «псевдоправового» изобретения стали события развала Югославии, когда ведущие мировые СМИ представляли Сербию и сербов единственными виновниками конфликта, и все жертвы и провокации во время войны относили на счет сербов. Так, ведущие СМИ на весь мир озвучили подробности трагедии в боснийской Сребренице в июле 1995 г., где сербскими войсками были убиты около семи тысяч и изгнаны около 25 тысяч мусульман-босняков. Но те же СМИ странным образом промолчали о трагедии Сербской Краины в Хорватии в августе того же 1995 г., где хорватскими войсками в ходе операции «Буря» (причем в присутствии миротворческих «голубых касок» ООН!) были убиты более трех тысяч и изгнаны из мест многовекового проживания около 260 тысяч сербов.

В этом же ряду находятся войны, развязанные против Ирака, Ливии, Сирии. В этом же ряду находятся рассмотренные мною выше скандальные «дело Литвиненко» и «дело Скрипалей». В этом же ряду обвинения во вмешательстве «российских хакеров» в президентские выборы в США. В этом же ряду апрельская 2018 г. кампания глобальных СМИ по оправданию ракетного нападения США на Сирию под предлогом якобы примененного правительственными силами страны химического оружия, а также разрыв США соглашения СВПД по Ирану по недоказанному обвинению Тегерана в нарушениях соглашения.

Все эти и многие другие аналогичные примеры достаточно ясно показывают, что сегодня основные мировые СМИ с достойной сожаления последовательностью занимаются согласованной ангажированной фальсификацией мировой реальности в соответствии с политикой «двойных стандартов», а также объяснениями невозможности «исправить несправедливость» правовыми методами. Именно эти ангажированные действия СМИ открывают путь для реализации целей их хозяев в обход любых международных правовых норм.

Конечно, применение описанных методов ухода от международного права началось не сейчас. Однако новизна сегодняшней ситуации состоит в том, что произошедшие за последние десятилетия слияния и поглощения в сфере глобальных СМИ привели к тому, что в мире осталось всего несколько сверхкрупных медиа-конгломератов, которые можно пересчитать по пальцам, и которые практически полностью контролируются США. А эта глобальная информационная (фактически – пропагандистская) олигополия – кардинально меняет базовые условия информирования глобального мира о происходящих событиях.

Во-первых, из глобального информационного поля последовательно «выдавливаются» (или даже законодательно запрещаются под предлогами «защиты от ин-

формационных угроз») СМИ, способные предъявлять альтернативные «мейнстриму» факты и аналитические интерпретации. То есть лишаются голоса те, кто осмеливается думать и говорить без «единогласия» с мейнстримом, а мир лишается возможности узнавать альтернативную точку зрения.

Мировой информационный «мейнстрим» фактически становится почти «одноголосным и единогласным». В глобальном информационном пространстве возникает (в качестве как бы новой нормы) ситуация, принципиально недопустимая и дикая с точки зрения права и демократии. Ситуация, когда в споре одна из сторон конфликта вообще не выслушивается и ее позиция не принимается во внимание.

Во-вторых, на фоне единогласия мейнстримных СМИ, которые сегодня уже способны сфабриковать глобальное общественное мнение, оказываются резко облегчены манипуляции правовой базой международных действий.

Например, представляются на голосование в Совбез ООН проекты резолюций, категорически неприемлемые для части стран – постоянных членов Совбеза. А поскольку такие резолюции ветируются, то дальше разводят руками и говорят: смотрите, ведь вы каждый день видите по телевизору растущие масштабы несправедливости и угроз, а правовой способ решения проблем не работает. Но несправедливость и угрозы терпеть нельзя!

И тогда начинаются военные акции по решению НАТО или создаются самоназванные «группы друзей» Ливии, Сирии и так далее. Которые, не обращая внимания на нормы международного права, начинают вмешиваться в конфликты в своих групповых интересах.

Это не только делает глобальный мир все менее демократичным. Это одновременно неизбежно приводит к радикализации тех политических и социальных групп, которые при таких «информационных тенденциях» оказываются лишены не только «права голоса», но и «права слуха».

И это – что еще важнее и серьезнее – кардинально меняет представление многих стран мира о гарантиях собственной безопасности. Поскольку они не располагают мощным информационно-пропагандистским потенциалом глобального масштаба, они не могут – хотя бы на уровне бесспорных фактов – «прокричать» свою правду и свою справедливость на весь мир. Такие страны понимают, что они, в конечном итоге, не могут гарантировать свою безопасность ничем, кроме ракетно-ядерного потенциала и секретной инфраструктуры его применения.

Но ведь таких стран в мире подавляющее большинство! И мы сегодня, возможно, оказываемся на пороге нового этапа форсированного ядерного вооружения мира – невзирая на международные договоры о нераспространении и санкции, связанные с тайной реализацией ракетно-ядерных программ. В мире, по оценкам специалистов, уже есть около десятка стран, имеющих технологические возможности быстро – за считанные годы – обзавестись ядерным оружием и средствами его доставки на территорию противников. Нет нужды объяснять, насколько менее безопасным местом для жизни станет наша планета, если этот процесс начнет набирать скорость.

Далее, совсем не мелочь – это нарастающая в мире беспрецедентная оскорбительно-военная, а иногда откровенно «расчеловечивающая», риторика, которая сегодня звучит в адрес геополитических конкурентов не только в СМИ, но и в официальных выступлениях ведущих политических деятелей.

Такая риторика, которая уже буквально пропитывает мировой политический эфир, неизбежно повышает градус взаимной агрессивности во всех слоях общества

конфликтующих стран, и в том числе – что опаснее всего! – в тех эшелонах власти, которые участвуют в разработке и реализации стратегических решений. Это не может не сдвигать всю мировую систему к повышению градуса конфронтации и рисков прямых вооруженных столкновений.

Парадоксы евроатлантической солидарности, европейского консенсуса и моральные универсалии

В современном контексте нам надо переосмыслить некоторые положения, утвердившиеся в юридической науке (доктрине) и оказывающие существенное влияние на юридическую практику.

Первое, на что я обратил бы внимание, – это тот факт, что солидарность на уровне мирового общественного мнения и политической элиты стран Запада может быть достигнута путем несложных (а точнее – просто грубых, но, как оказалось, очень эффективных) манипуляций массовым сознанием и более сложного по своим механизмам, но в целом тоже достаточно грубого давления на политических лидеров. И этот факт ставит под большой вопрос легитимность тех современных механизмов правообразования в рамках Совета Европы, которые основаны на так называемом *европейском консенсусе*.

Я имею в виду прежде всего решения Европейского Суда по правам человека, касающиеся (что принципиально важно!) наиболее сложных вопросов, которые затрагивают чувствительные струны национальной идентичности отдельных государств. Подчеркиваю: речь идет не о подавляющем большинстве рядовых решений этого Суда, опирающихся на уже сложившееся понимание прав человека, а о формулировании Судом новых правовых ценностей и идей. В этих, наиболее спорных, случаях ЕСПЧ опирается на европейский консенсус, трактуя его как способ своего рода демократической легитимации своих решений. И хотя удельный вес подобных новелл в общем массиве решений Суда невелик, однако в условиях нынешней эпохи перемен он имеет явную тенденцию к росту. При этом подобные проблемы, требующие правового решения, нередко оказываются связанными с пересмотром фундаментальных культурных традиций под влиянием социальных изменений или технологического прогресса. Применительно к достигаемому в этих ситуациях европейскому консенсусу напрашивается вполне уместный вопрос: а что именно понимается здесь под консенсусом и не имеем ли мы дело с той же подменой понятий, что и в случае с *как бы* судебным рассмотрением дела Литвиненко?

Ведь то, что называется европейским консенсусом – это вовсе не тот консенсус, понятие которого четко определено в международном праве. Просто в сложившемся уже словоупотреблении так обозначается согласованная позиция нескольких государств, относящихся, как правило, к числу государств-основателей Совета Европы, которая выражает определенную тенденцию в развитии права. В своей прошлогодней лекции я говорил о том, что слишком вольная трактовка понятия европейского консенсуса уже сподвигла ряд государств, в том числе и Россию, на выработку собственной доктрины конституционной идентичности, очерчивающей те «красные линии», за которые они не могут переходить под давлением подобного «консенсуса». А сегодня (т.е. с учетом дела Скрипалей) вынужден добавить, что присоединение остальных членов Совета Европы к консолидированной позиции такого «европейского авангарда», которая все чаще выходит за рамки первоначальных правовых дого-

воренностей государств-членов Совета Европы, во многом строится на доверии к этой позиции и на уважении к ее сторонникам.

Но о каком доверии и уважении со стороны России может идти речь после устроенного над ней судилища, которое один политический комментатор очень метко назвал «судом Линча», намекая на главного режиссера этой политической акции? Уверен, пройдет совсем немного времени, и все большее число государств, народов и отдельных людей будут так или иначе увязывать хваленую евроатлантическую солидарность в деле Скрипалей с той солидарностью «на крови», которая была продемонстрирована коллективным Западом в Югославии, Ираке, Ливии, Сирии и т.д. Такая солидарность приводит остальные государства к пониманию того, что мы живем во времена, когда понятия «государственный суверенитет», «национальное самосознание», «конституционная идентичность» оказываются в прямой зависимости от понятия «*национальное достоинство*».

По мере ослабления доверия, являющегося важнейшим фактором современного правообразования, государства, стремящиеся сохранить свою конституционную идентичность, будут все чаще задумываться о том *понимании права, которое лежит в основе доктрины европейского консенсуса*. Речь идет о понимании права как нормативной системы, базирующейся на *неких моральных универсалиях, которые трактуются как прирожденные и неотчуждаемые права человека*. Хочу обратить внимание, что это не совсем то (а, может быть, даже и совсем не то) понимание права, о котором я говорил на прошлой лекции, когда ссылался, в частности, на известную формулу римского юриста Цельса из Дигестов Юстиниана: «право есть искусство добра и справедливости». Справедливость для Цельса – это не некая неопределенная *моральная универсалия*, а вполне определенный принцип равенства. «*Jus est ars boni et aequi*», – говорит он, используя для обозначения справедливости не понятие «*justitia*», а понятие «*aequi*», означающее равенство, эквивалент.

С позиций такого понимания права как искусства справедливости, определяемой через равенство, *право предстает как справедливый итог договора между равными*. Причем равными участниками этого договора являются все, на кого распространяется данное право, а вовсе не некоторые «равнейшие» субъекты так называемого европейского консенсуса.

А дальше встает еще один не менее интересный вопрос: *может ли в принципе мораль иметь универсальный, общезначимый характер?* Не скрывается ли за трактовкой основных прав человека как моральных универсалий стремление выстраивать право на европейских (т.е. региональных) моральных ценностях, которые декларируются как универсальные? Мы как-то очень легко соглашаемся с тем, что европейские моральные (пусть даже морально-правовые) ценности имеют универсальный характер. В такой позиции есть дань уважения Западной Европе, внесшей определяющий вклад в формирование и развитие права, а также признание заслуг доктрины естественного права в ее стремлении ограничить произвол законодателя, очертив некие моральные границы, за которые он не должен выходить. Кроме того, мы все еще находимся под впечатлением тех ценностей, которые принесла в Европу эпоха Просвещения. Однако Запад уже далеко отошел и от ценностей эпохи Просвещения, и от христианских (и прежде всего – протестантских) ценностей Нового времени, которые могли когда-то претендовать на универсальный характер. Я имею в виду *ценности равенства людей, трудовой этики, честности, скромности в потреблении, семейные ценности* и т.д.

Современное общество давно вступило на путь эскалации неравенства. Согласно последнему докладу Мировой лаборатории неравенства при Парижской школе экономики, разрыв между богатыми и бедными, т.е. имущественное неравенство, растет практически во всем мире. Разговоры о том, что рост совокупного богатства (так называемого «общего пирога») распространяется, в конечном итоге, на всех, оказываются «сказкой для бедных»: нынешнее социальное расслоение чревато необратимой социальной деградацией как отдельных групп населения внутри государств, так и целых регионов мира в глобальном пространстве.

По мере усиления глобализационных процессов эта несправедливость постоянно нарастает, грозя окончательным расколом мирового социума на страны-победители, получающие основные выгоды от глобализационных процессов, и, говоря словами Юргена Хабермаса, «страны, потерпевшие поражение»[1]. Это ведет к маргинализации и депривации широких масс во многих (в первую очередь, развивающихся) странах, к росту числа «лишних людей», легко поддающихся влиянию экстремистских идей и готовых пополнять ряды террористических организаций. Причем, рост социального неравенства происходит не только за счет накопленного ранее богатства, но и за счет постоянного увеличения неравенства в доходах. Одним из лидеров по этим показателям в последние годы, к сожалению, стала Россия.

Кроме того, многие экономисты (в том числе принадлежащие к либеральному флангу) приходят к выводу, что нынешняя постиндустриальная стадия капитализма, которую все чаще обозначают как «финансовый капитализм», обладает фундаментальными дефектами. Способность финансового капитала делать деньги (причем, огромные и легкие деньги) «из воздуха» – из финансовых спекуляций, из торговли «брендами», из исторической ренты, получаемой от выгод мирового разделения труда, и т.д. – резко усиливает несправедливость в распределении жизненных благ как на внутринациональном уровне, так и в системе глобальных отношений. Как следует из опубликованного в 2017 г. доклада Римского Клуба (посвященного 50-летию юбилею Клуба и выражающего консолидированную позицию его членов), 98% доходов от финансовых операций имеют спекулятивный характер! Финансовый капитализм, как утверждает известный французский экономист Тома Пикетти, паразитирует на сфере реального производства, поскольку в силу ряда причин доходы на капитал растут быстрее темпов экономического роста в реальном секторе экономики. Легкие деньги финансовых игроков бросаются на раскручивание потребительского ажиотажа с помощью рекламы и иных способов манипулирования массовым сознанием.

Все это ведет к разрушению трудовой этики и в целом этики как системы представлений о добре и зле. Особо следует выделить разрушение традиционных семейных ценностей. И в этом тоже есть влияние рынка, которому не нужны личности, включенные в системы социальных, в том числе наиболее устойчивых семейных, связей. Рынку нужны массы атомизированных потребителей, состоящих из носителей индивидуальных потребительских предпочтений.

В сложившихся условиях претензии западных ценностей на универсализм теряют свою этическую обоснованность. Понимание данного обстоятельства вовсе не означает, что России следует замыкаться в своей правовой самобытности. Напротив, задача состоит в том, чтобы предложить общезначимое, общечеловеческое *правовое* мировоззрение, основанное на принципах *справедливости как равенства* и ориентированное на возрождение тех фундаментальных ценностей, в которых сконцентрирован *этический потенциал всего человечества*.

Восстановление доверия – путь к утверждению справедливости и права

Огромная сложность, многофакторность, многосубъектность событий в гигантской сфере современных международных отношений – принципиально не позволяет ее участникам прогнозировать даже некоторые свои собственные будущие решения. Тем более такой прогноз невозможен в отношении других участников международного взаимодействия.

В этих условиях важнейшее свойство политики международных субъектов – ее предсказуемость. А поскольку прямых и непосредственных средств внешнего влияния на эту политику не существует, ключевым фактором устойчивости мироустройства оказывается расчет всех участников международного процесса на правовую обоснованность (то есть, единую, выраженную в праве справедливость) решений и действий партнеров. Иными словами, расчет на взаимное международное доверие.

Доверие, которое является основой *взаимопонимания*, – это фундамент человеческих коммуникаций на все уровнях, от семьи и сообщества до государства и цивилизации. И именно в этой сфере современный мир очевидным образом сдвигается в негативном направлении.

Социологи откровенно заявляют, что расширение поля недоверия – это характерная черта современного общества. В социальной философии одной из наиболее обсуждаемых проблем оказывается то, что в условиях современного постмодернистского ценностного релятивизма доверие к *Другому*, ранее основанное на общем понимании и признании неких фундаментальных идеалов и ценностей, – теряет эту свою основу. В такой ситуации *Другой* становится априори чуждым, а далее чаще всего враждебным. Это ведет к разрушению основ социального взаимодействия и усиливает непредсказуемость будущего.

Кроме того, присущие нашей эпохе процессы глобализации внешних для человека рисков – снижают доверие к социально-государственной системе и ее экономическим, политическим и правовым институтам, не способным защитить от нарастающих угроз. Некоторые социальные философы в связи с этим уже предлагают от введенного Ульрихом Бекком понятия «общество риска» переходить к новому понятию «общество катастроф».

Но такие же процессы стремительного разрушения взаимного доверия происходят и в межгосударственных отношениях.

В аксиологии уже на раз отмечалось, что из всех известных со времен античности смыслообразующих идеалов человечества, таких как Истина, Добро, Красота и Справедливость, – именно Справедливость наиболее тесно связана с доверием. Ведь доверие – это, по сути своей, ожидание взаимности, вера в то, что партнер по взаимоотношениям ответит добром на добро, проявит солидарность и будет действовать в соответствии с принятыми правилами. Как отметил Зигмунд Бауман, справедливость является наиболее «социализирующей» из всех человеческих ценностей.

Но относится ли это к любой справедливости, к справедливости вообще? Как быть с тем, что ценностный релятивизм приводит современный мир постмодерна к возникновению все более разных, иногда полярно различающихся партикулярных представлений о справедливости? И возможно ли совместить эти разные справедливости в едином и общеобязательном международном праве?

Мне представляется, что это невозможно до тех пор, пока во все партикулярные, частные представления о справедливости не вернется основополагающий принцип равенства, который совокупный Запад, и прежде всего США, в последние

десятилетия настойчиво – и всеми мыслимыми и немыслимыми способами – изымают из международного права.

После распада СССР мир в очередной раз убедился, что политика, не руководствующаяся единым правом, основанном на равенстве, – это политика голой силы, а не силы права. Американские лидеры с упоением заговорили об эре однополярности и о задачах наращивания и поддержания безусловной американской мировой гегемонии. И, отметим, начали все чаще призывать отказаться от ООН как «организации, неадекватной новым глобальным реалиям».

Однако, во-первых, хочу напомнить, что идеология и практика однополярного мира противоречит закону диалектики, согласно которому источником всякого развития является единство и борьба противоположностей. И призываю увидеть и признать тот несомненный факт, что после исчезновения социалистического лагеря с его коммунистической идеологией, как полюса глобальном диалектическом единстве противоположностей, освободившееся место сразу начали занимать самые темные силы регресса, носители крайне тоталитарной квазирелигиозной идеологии, оправдывающей практику терроризма.

Но дело не только в этом. Глобальный мир не может принять за аксиому заявления президентов США о том, что американцы избранный народ, и что XXI век будет «веком Америки». И не только потому, что не хочет признавать американскую гегемонию.

Проблемой здесь является специфика насаждаемого США представления о справедливости, начисто лишеного представлений о равенстве. И дело, как представляется, не в американском стремлении господствовать, а в исторической мировоззренческой и ценностной специфике американской (шире – англосаксонской) культуры, которая осознает саму себя как единственно правильную и достойную подражания. В связи с этим хочу отметить малоизвестный факт: когда США после распада СССР начали утверждать на практике однополярное мироустройство через доктрину унилатерализма, тогдашний помощник президента США по национальной безопасности Кондолиза Райс заявила, что «...многополярность – это теория соперничества, конкуренции, а в своем худшем проявлении – конкуренция ценностей».

О каких ценностях здесь шла речь?

Думаю, что речь идет о главном внутреннем напряжении идеи справедливости, о конфликте между ее *индивидуалистической* и *солидаристской* трактовками.

Коммунистическая идеология пыталась сформулировать и реализовать коллективистскую идейную платформу справедливости, но фактически *за рамками правового подхода*. И хотя воплотивший эту идею реальный социализм продемонстрировал неадекватность такой неправовой справедливости социальным реалиям, это отнюдь не снимает самого исходного противопоставления.

Я уже как-то говорил о том, что при изучении различных древних и современных утопий, касающиеся будущего мироустройства, меня поразило то, что западная, прежде всего англосаксонская, научная фантастика описывала будущий глобальный мир, включая его космическую экспансию, в целом под знаком всеобщего недоверия и войны. И что советская научная фантастика (Иван Ефремов и др.), напротив, описывала тот же будущий глобальный мир под знаком всеобщего мира, доверия и сотрудничества.

Суть этого различия гораздо глубже соперничества социалистической и капиталистической идеологии. Думаю, что этот глубинный смысл верно уловила в свое

время русская религиозно-философская мысль, духовный опыт которой наш известный философ Арсений Гулыга назвал как «предчувствие общей беды и мысль о всеобщем спасении». С точки зрения права, эта русская идея всеобщего спасения трансформируется в признание равного права всех народов и государств на безопасное и благое будущее. Не права якобы избранных и призванных к гегемонии, а равного права на благо для всех.

Принципиальная разница между индивидуалистическим и коллективистским ценностно-правовыми подходами к будущему мироустройству заключается в следующем.

Локальные представления о справедливости индивидуалистического подхода, априори признающего неравенство, если их не сдерживать справедливостью единых, равных и обязывающих норм права, неизбежно наращивают тотальное взаимное недоверие. И превращаются либо в войну всех против всех по Гоббсу как на уровне локальном, так и на уровне глобальном, либо в тотальную несправедливость самого сильного. То есть в ту самую гегемонию, к которой стремятся США, прикрывая это стремление заменой слова гегемония на «лидерство».

Однако устойчивой с точки зрения благого миропорядка может быть лишь справедливость локального и глобального солидаризма равных субъектов. То есть справедливость коллективизма, которая именно в силу постулата соблюдаемого и защищенного правом равенства способна создать доверие к справедливому правопорядку.

Потому я думаю, что присущие российской правовой ментальности коллективистские и солидаристские ценности – станут все более востребованы в мире по мере того, как господствующая в нынешнем западном праве идеология воинствующего индивидуализма будет обнаруживать свою ангажированность и свою нацеленность на утверждение эгоистических интересов наиболее сильных субъектов глобального взаимодействия.

Долг российской юридической науки – адаптировать эти идеи русской философии права к современной крайне сложной правовой реальности и вписать их в *правовой миростроительный проект. Не право избранных (так называемого «золотого миллиарда») на лучшую долю, а равное право всех на то, чтобы достойно войти в будущее.*

В заключение хочу подчеркнуть один важный момент. Нам надо суметь соединить присущий российскому народу коллективизм, сформированный, – можно сказать, выкованный, – суровой природой, бесчисленными оборонительными войнами, необходимостью объединить множество наций и народностей «общей судьбой на своей земле» (как сказано в преамбуле нашей Конституции), на основе принципов *социального правового* государства, с созданием конкурентной экономической и политической среды. *Честная конкуренция в сфере экономических и, что не менее значимо, политических отношений – это современное преломление главного принципа диалектики, согласно которому единство и борьба противоположностей является источником всякого развития. Без этого стране грозит очередной застой, опасные последствия которого мы уже проверили на своем опыте.*

Как сказал Аристотель, справедливость – величайшая добродетель, более удивительная и блестящая, чем вечерняя или утренняя звезда. Искренне верю, что не

Теория государства и права

мы, так наши потомки на основе принципа справедливости создадут настоящую *цивилизацию права*, в которой человечество обретет высшую в своей истории степень свободы.

Библиографический список

1. Хабермас Ю. Расколотый Запад. – М. 2008. – С.17.

С.А.Комаров

РЕЦЕНЗИЯ

на монографию Ольги Эдуардовны Старовойтовой
на тему «Тело человека и закон» /
Старовойтова О. Э.; вступ. ст. Э. В. Кузнецова. – СПб., 2018. – 130 с.

Cogito, ergo sum
Мыслю, значит существую!
(Рене Декарт)

Книга О. Э. Старовойтовой «Тело человека и закон», представляет собой оригинальное научное исследование на актуальную тему, связанную с защитой прав человека и гражданина в Российской Федерации.

В системе известных естественных прав человека можно выделить и обособить группу таких, которые связаны с правом человека распоряжаться своим телом. Их называют соматическими правами (от греч. soma – тело). Интерес к этой проблеме возник не сегодня. История свидетельствует, что закон в различных его проявлениях постоянно защищал, а на ранних исторических этапах и оценивал человеческое тело (с. 8).

Старовойтова О.Э. анализирует соматические права, характеризующие возможность человека и гражданина распоряжаться собственным телом. Автор использует опыт и достижения ученых в различных сферах человеческого знания: юриспруденция, медицина, философия, история, психология. По существу, это междисциплинарное исследование, проведенное в рамках локального, отраслевого знания.

Автор, верно отмечая, что новейшие биомедицинские технологии принесли избавление от многих серьезных недугов, специально подчеркивает, что наряду с предоставлением огромных положительных возможностей, новые научные достижения стали источником определенных трудностей. Возможность неограниченного вмешательства в человеческую природу повлекло за собой возникновение серьезных этических и правовых проблем. При этом многие из них не имеют однозначного решения, являются предметом научных споров. В частности, уже давно требуют юридического решения вопросы, связанные с определением начала человеческой жизни и ее конца, с юридическим статусом коматозных больных, человеческого эмбриона, с допустимостью вмешательства в генетические характеристики человека (с. 9, 13).

Следует особо отметить, что предметом анализа явились не только труды отечественных юристов, но и современных зарубежных специалистов в этой области, практически малоизвестных и неизвестных в нашей стране. Введение в научный оборот таких исследований также следует оценить только положительно.

В российской печати труды О. Э. Старовойтовой впервые появились в 1995 году и за прошедший период ее выступления явились предметом обсуждения на всемирных конгрессах в Швеции, Польше, Чехии, Германии, Испании, Бразилии, а также на всероссийских форумах в Москве, Санкт-Петербурге, Ижевске, Кизляре. Мы разделяем тревогу автора о том, что эволюция соматических прав в направлении, заданном современными традициями жизни, может повлечь итоговую для человечества потерю: утрату самого человека. Необходимость правового регулирования этого процесса является центральной идеей исследования.

Работа представляет собой законченное исследование на актуальную тему, отличается своей новизной, а также теоретической и практической значимостью. Проблема соматических прав человека и гражданина сегодня предстает как новое направление в правоведении. Это поистине грандиозная проблема XXI века, интерес к которой во многом предопределяется бурным вторжением в нашу жизнь новых биомедицинских технологий.

Эти идеи О.Э. Старовойтовой уже нашли своих последователей в юридической науке. Например, Е.М.Нестерова которая справедливо пишет, что личностные (соматические) права представляют собой нормативно закрепленные возможности, связанные с физической самоидентификацией человека как автономной биосоциальной субстанции, основанные на возможности владеть, пользоваться и распоряжаться собственным телом и (или) жизнью, реализация которых осуществляется с помощью достижений науки и техники.

Такую позицию стоит только поддержать. Отмечу, что долгое время отношения в сфере медицины являлись лишь предметом уголовно-правового регулирования. Необходимость в юридической регламентации самого процесса оказания медицинской помощи, отношений между врачом и пациентом, закреплении определенных стандартов, были всерьез осознаны совсем недавно.

Например, право человека на охрану здоровья получило закрепление только после Второй мировой войны во Всеобщей декларации прав человека 1948 года. Актуальность исследования, проведенного О. Э. Старовойтовой, обусловлена тем, что юридическая оценка и квалификация законодателем (как на территории России, так и за рубежом) биомедицинских технологий связана с определенными трудностями. Эти трудности, прежде всего, выражаются в отсутствии четкости некоторых общефилософских категорий, таких, как человеческое достоинство, репродуктивные права, а также в отсутствии и противоречивости юридических определений самих медицинских технологий.

Серьезной проблемой при правовом регулировании общественных отношений в данной сфере является также неоднородность самого общества. Многообразие исторических, культурных, этнических традиций предполагает неоднозначность человеческой оценки одних и тех же явлений в рамках одного государства. Часть этой ситуации сопровождается наличием противоречий между интересами людей, одинаково признаваемых обществом в качестве ценностей. Следует отметить, что в философской, медицинской, исторической науках проблема тела (соматология) анализируется достаточно широко. Если говорить о юридической науке, то можно констатировать, что, хотя российский закон и стоит на страже телесной неприкосновенности, научные разработки в этой сфере практически отсутствуют.

Автором сделаны ценные предложения и рекомендации по совершенствованию российского законодательства.

Уверен, что монография О.Э. Старовойтовой «Тело человека и закон» будет с интересом встречена научной общественностью.

Президент Межрегиональной ассоциации
теоретиков государства и права,
научный руководитель Юридического института (Санкт-Петербург),
заведующий кафедрой теории и истории государства и права
Московского международного университета,
доктор юридических наук, профессор

С.А.Комаров

ПРАВИЛА ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА»

Для публикации рукописи (статьи, обзора, отзыва или рецензии) в журнале «Теория государства и права» необходимо на адрес электронной почты komarova_tl@mail.ru направить Оферту и текст рукописи.

Предложение делать оферты, а также текст Оферты размещены в публичном доступе на странице журнала по адресу: <http://matgip.ru/trebuem>

Все рукописи проходят процедуру рецензирования в соответствии с установленным порядком.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛА

Статья (обзор, отзыв, рецензия) предоставляется в электронном виде, файл в формате Microsoft Office Word, шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5, абзац автоматический 1,25 мм, сноски в квадратных скобках на источник из библиографического списка.

Допустимый объем одной публикации 5–12 страниц.

К статье прилагаются:

- а) аннотация статьи (4–5 строк) и ключевые слова;
- б) сведения об авторе, в том числе: ФИО (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы (учебы), должность, контактные данные: адрес с указанием почтового индекса, контактный телефон, E-mail.

Название статьи, аннотация, ключевые слова, информация об авторе предоставляются на русском и английском языках.

**ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ,
ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ
В ЖУРНАЛЕ «ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА»**

1. Настоящий Порядок рецензирования рукописей, предоставляемых для публикации в журнале «Теория государства и права» (далее – Порядок) определяет порядок рецензирования рукописей научных статей, обзоров, отзывов и рецензий, предоставляемых авторами для публикации в журнале «Теория государства и права» (далее – Журнал).

2. Каждая рукопись, поступившая в редакцию Журнала, обязательно проходит процедуру рецензирования.

3. Рукопись, поступившая в редакцию Журнала, рассматривается главным редактором на предмет ее соответствия профилю Журнала, требованиям к оформлению и направляется на рецензирование специалисту.

4. По общему правилу рецензирование осуществляет один из членов редакционной коллегии – специалист по тематике рецензируемых материалов, имеющий за последние три года научные публикации по тематике рецензируемой рукописи. В целях более эффективной экспертной оценки рукописей редакция имеет право привлекать внешних рецензентов – специалистов по тематике рецензируемых материалов (докторов или кандидатов наук, в том числе специалистов-практиков, имеющих за последние три года научные публикации по тематике рецензируемой рукописи).

5. Рецензенты уведомляются о том, что процедура рецензирования является конфиденциальной. Рецензентам не разрешается делать копии статей и передавать их третьим лицам.

6. Рецензирование проводится конфиденциально для авторов статей. Рецензия предоставляется автору рукописи по его письменному запросу без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента.

7. Сроки рецензирования рукописей:

7.1. Главный редактор Журнала рассматривает предоставленную к публикации рукопись в соответствии с п. 3 Порядка в течение семи дней с момента ее предоставления в редакцию.

7.2. Рецензирование рукописи специалистом осуществляется в течение четырнадцати дней с момента предоставления ему рукописи главным редактором.

7.3. В сроки, указанные в подп. 7.1 и 7.2 Порядка, не включаются выходные и праздничные дни, установленные действующим законодательством Российской Федерации.

7.4. По согласованию редакции и рецензента рецензирование рукописи может производиться в более короткие сроки с целью рационального формирования редакторского портфеля.

8. Содержание рецензии:

8.1. Рецензия должна содержать экспертную оценку рукописи по следующим параметрам:

8.1.1. соответствие содержания рукописи ее названию;

8.1.2. актуальность темы исследования;

8.1.3. научная новизна полученных результатов;

8.1.4. целесообразность публикации рукописи, с учетом ранее выпущенной по данному вопросу литературы;

8.1.5. подача материала (язык, стиль, полнота и логика изложения);

8.1.7. законность и обоснованность заимствований.

8.2. Рецензент вправе дать рекомендации автору по улучшению рукописи. Замечания и пожелания рецензента должны быть объективными и принципиальными, направленными на повышение научного уровня рукописи.

8.3. В заключительной части рецензии должно содержаться одно из следующих решений:

8.3.1. рекомендовать принять рукопись к публикации в Журнале;

8.3.2. рекомендовать принять рукопись к публикации в Журнале с внесением технической правки;

8.3.3. рекомендовать принять рукопись к публикации в Журнале после устранения автором замечаний рецензента (с последующим направлением на повторное рецензирование тому же рецензенту);

8.3.4. рекомендовать отказать в публикации рукописи в Журнале по причине несоответствия ее научного уровня или иных критериев требованиям, предъявляемым к соответствующим рукописям.

9. В случае принятия рецензентом решения, указанного в подп. 8.3.3 Порядка, доработанная (переработанная) автором рукопись повторно направляется на рецензирование. В случае, если рецензент при повторном рецензировании принимает аналогичное решение, рукопись считается отклоненной и более не подлежит рассмотрению редакцией Журнала.

10. В случаях принятия рецензентом решений, указанных в подп. 8.3.2-8.3.4 Порядка, текст рецензии направляется автору рукописи.

11. Окончательное решение о принятии рукописи к публикации в Журнале принимает Редакционный совет на основании рецензии.

12. Оригиналы рецензий хранятся в редакции Журнала в течение пяти лет с момента их подписания рецензентом.

13. В течение срока, установленного п. 12 Порядка, копия рецензии предоставляется в Министерство образования и науки Российской Федерации в случае поступления в редакцию Журнала соответствующего запроса.

Частное образовательное учреждение
высшего образования

ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ (Санкт-Петербург)

основан в 1992 году

ЛИЦЕНЗИЯ АККРЕДИТАЦИЯ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ
специализации:

- ❖ гражданско-правовая;
- ❖ государственно-правовая;
- ❖ международно-правовая;
- ❖ уголовно-правовая

Документы:

1. Документ об образовании
2. Шесть фотографий размером 3x4 см
3. Свидетельства ЕГЭ по русскому языку,
обществознанию, истории России

По окончании института выпускникам присваивается
степень бакалавра или **магистра**
(в зависимости от срока обучения)
и выдается **государственный диплом
о высшем образовании**

Срок обучения:

ДНЕВНОЕ – 4 года, ЗАОЧНОЕ – 5 ЛЕТ

Для лиц со **средним юридическим и высшим образованием** –
ускоренный курс обучения – 3 года

Ведется прием в АСПИРАНТУРУ

по научным специальностям:

- 12.00.01 – теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве
- 12.00.02 – конституционное право, конституционный судебный процесс;
муниципальное право
- 12.00.08 – уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

**199106, г. Санкт-Петербург,
ул. Гаванская, д. 3
(812) 325-46-25, 322-18-08**

Официальный сайт: www.lawinst-spb.ru

Книжный интернет-магазин на сайте института

GOLTSBLAT BLP

Goltsblat BLP – российская практика Berwin Leighton Paisner (BLP), ведущей международной юридической фирмы, штаб-квартира которой находится в Лондоне и офисы – в крупнейших коммерческих и финансовых центрах мира: Москве, Абу-Даби, Берлине, Брюсселе, Гонконге, Дубае, Париже, Пекине, Сингапуре, Франкфурте, Тель-Авиве и Янгоне.

В московском офисе **Goltsblat BLP** – более 100 юристов, квалифицированных специалистов по российскому, английскому праву и праву США, общее количество юристов в международных офисах BLP – более 800.

На сегодняшний день Goltsblat BLP является одной из ведущих международных юридических фирм, российской практикой глобальной фирмы, оказывающей правовую поддержку по крупным комплексным сделкам и проектам, как международным корпорациям, так и российским компаниям. Нашей ключевой специализацией является сопровождение сделок и разрешение судебных споров. При этом при реализации комплексных проектов мы используем возможности и ресурсы нашей многофункциональной команды, чтобы обеспечить всестороннюю юридическую поддержку по всем необходимым аспектам и наиболее эффективным образом отвечать потребностям каждого клиента и каждого конкретного проекта, что, безусловно, является нашим преимуществом по сравнению с другими юридическими фирмами.

Международная команда **Goltsblat BLP** обеспечивает правовое сопровождение сделок, связанных с инвестициями российских и иностранных клиентов в России и за рубежом, оказывая правовую поддержку при реализации корпоративных сделок, сделок по слиянию и поглощению, банковских и финансовых сделок, инфраструктурных проектов и сделок с недвижимостью, разрешения споров, а также иных комплексных проектов и представительства в делах, являющихся предметом нескольких юрисдикций.

Клиентами **Goltsblat BLP** являются более 1700 компаний, среди которых крупные международные инвесторы, работающие на российском рынке, российские и международные банки, финансовые организации и российские компании – лидеры в своих отраслях (130 компаний, входящих в рейтинг Forbes Global).

Goltsblat BLP является обладателем 25 национальных и международных наград за последние пять лет, включая:

- *Лучшая юридическая фирма в России* – **Chambers Europe Awards 2015** и номинант **2016–2017 гг.**;
- *Международная юридическая фирма года* – **The Lawyer European Awards 2014** и номинант **2015 года**;
- *Международная юридическая фирма года* – **Legal Business Awards 2010 / Legal 500** и номинант **2015–2016 гг.**;
- *Юридическая фирма года (лучший клиентский сервис)* – **Chambers Europe Awards 2014 и 2010 гг.**;
- *Топ-3 международных юридических фирмы в России по размеру выручки* – **рейтинг Право.ру 2016 года** и др.

Специализированные юридические награды Goltsblat BLP за 2017 год:

- *Лучшая фирма года в сфере антимонопольного права* – **Best Lawyers Awards 2018;**
- *Лучшая фирма года в области налогообложения в России* – **European Tax Awards 2017 / International Tax Review;**
- *Лучшая фирма года в сфере недвижимости* – **Best Lawyers Awards 2017;**
- *Юридическая фирма года – Сделки M&A* – **Corporate Live Wire M&A Awards 2017;**
- *Юридическая фирма года в России в области таможни и международной торговли* – **2017 Deal Makers Country Awards;**
- *Топ-100 лучших фирм мира в области антимонопольного права* – **Global Competition Review 100, 2014–2017;**
- *Топ-100 лучших фирм мира в области международного арбитража* – **Global Arbitration Review 100, 2017** и др.

Концепция»

Издательство «Концепция»

приглашает к сотрудничеству всех заинтересованных лиц и оказывает услуги по изданию монографий, учебников, учебных пособий, сборников материалов конференций, методических рекомендаций, периодических изданий и иной литературы, в том числе:

❖ Подготовка издания к печати, а также: профессиональное редактирование и корректура рукописей (в том числе диссертаций), оформление библиографических ссылок согласно требованиям ГОСТ; присвоение индексов ISBN, УДК, ББК, оформление титульного листа и выходных данных по ГОСТ, подготовка оригинал-макета книги.

❖ Печать различных видов изданий на современном оборудовании: доступны различные типы печати, широкий выбор бумаги, различные варианты переплета, обложки. По желанию клиента издательство работает с минимальными тиражами (от 1 экз.).

❖ Включение научной литературы (в том числе монографий) в систему Российского индекса научного цитирования с размещением текста в Научной электронной библиотеке (elibrary.ru).

❖ Доставка книг по России и странам ближнего зарубежья.

Наша концепция: «От черновика до книги – один шаг».

Наш телефон: 8-800-250-73-02

E-mail: conception.rzn@gmail.com

редактор **Н.Б. Чунакова**
перевод **А.В. Саматов**
верстка **И.И. Каширина**

Адрес редакции: 119415, г. Москва, ул. Удальцова, д.19, корп. 1, офис 12
E-mail: komarova_tl@mail.ru
Сайт: <http://matgir.ru/magazine>
Телефон: (499) 431-5806

Издатель: ООО «Издательство «Концепция»
Адрес издателя: 390044, г. Рязань, ул. Крупской, д. 17, корп. 1.
E-mail: conception.rzn@gmail.com
Телефон: 8 (800) 250-73-02

Выход в свет 20.06.2018. Формат 61x86 1/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Уч.-изд. л. 10,91. Усл. п.л. 6,1. Тираж 500 экз. Заказ № 9.

Цена свободная

Отпечатано ООО «Издательство «Концепция».
Адрес типографии: 390044, г. Рязань, ул. Крупской, д.17, корп. 1.